

Юнус Огуз
Тамерлан
исторический роман

Юнус Огуз

Тамерлан. Исторический роман

«Издательские решения»

Огуз Ю.

Тамерлан. Исторический роман / Ю. Огуз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964541-8

В романе автор использовал богатые этнографические материалы, факты из исторических источников о Тамерлане XIV — XV веков. Роман рассчитан на широкий круг читателей, в том числе интересующихся военной историей и Средними веками.

ISBN 978-5-44-964541-8

© Огуз Ю.
© Издательские решения

Содержание

Тамерлан. Путь к вершине	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	33
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Тамерлан

Исторический роман

Юнус Огуз

© Юнус Огуз, 2019

ISBN 978-5-4496-4541-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тамерлан. Путь к вершине

Пролог

Заря занималась, соскальзывая с темноты, следом за ней золотистые лучи восходящего солнца сдергивали ее с земли. Новые страницы истории писались новым днем. Хотя утро было морозным, на небе не было ни облачка, день обещал быть теплым. Полевые травы и цветы, поднимая головы, подрагивали, птицы, как бы здороваясь друг с другом, летали взад-вперед. Пока приятные звуки вокруг состояли только из пения птиц. Этим местам было столько же лет, сколько и Земле. Однако, от того, что каждое утро было похоже на предыдущее, темнота уступала место свету, начинался новый день. И этот новый день Земли в этом месте состоял из не имеющего конца края военного лагеря. Хотя день и начался, в лагере он еще полностью не начинался. На пики, установленные в виде шалаша, на щиты, повешенные на пики, на тяжелые металлические доспехи и оружие вокруг шатров, поставленных группами вкруговую, выпала роса.

И прямо здесь один из охранников спал стоя, опершись на пику. Покрытые войлоком груженные повозки стояли в ряд, а в некоторых местах задками друг к другу. Над некоторыми шатрами курился дымок. Войлок, которым были покрыты шатры, намок от росы и теперь блестел под лучами восходящего солнца.

В лагере не было слышно человеческих голосов, но доносились шаги, лай собак, ржание лошадей, стук копыт о землю. Кроме охранников, совершающих омовение для проведения утреннего намаза, и нескольких слуг все остальные спали. Даже привыкшие рано вставать все еще не хотели подниматься. Через некоторое время прозвучит утренний азан, все поднимутся на намаз, в лагере раздадутся звуки бубнов и карнаев, жизнь закипит. Каждое утро было шагом вперед. А что было впереди, совсем впереди? Об этом знали только те, кто там был.

Из нескольких вспомогательных шатров на краю лагеря стали доноситься звон казанов, половников. Повар Мамед, привыкший вставать очень рано, вышел из шатра и с удовольствием потянулся.

– Гюльяхмед, иди полей мне воды, умоюсь и начну работу, – обратился он к кому-то.

Из шатра вышел поджарый, среднего роста молодой парень лет двадцати трех-двадцати пяти и с уважением чуть поклонился повару.

– Доброе утро. – Потом повернул лицо к солнцу, прищурившись, потянулся, жадно вдохнул морозный воздух. – Да, сегодня будет солнечная погода, чуть согреем косточки.

Повар Мамед усмехнулся:

– В этом возрасте ты греешь косточки, в сорок лет, чтобы погреть спину, будешь сидеть возле печи. – Наклонился, протянул мясистые руки: – Иди полей мне.

Гюльяхмед, взяв у шатра кувшин серебристого цвета, подошел к повару, полил на руки. Повар плеснул воду на лицо. С раскрасневшимся от холодной воды лицом повар разогнулся и дал следующее указание.

– Разожги огонь под казанами!

Повар Мамед снял с пояса кушак, вытер руки и лицо, затем вновь завязав его, вошел в шатер. Через некоторое время он вынес из шатра туши баранов, которые были зарезаны с вечера. По одному развесил на острых кольях. С другой стороны шатра, рядом с казанами стоял большой пень для разделки мяса, вымытый и подготовленный еще с вечера. Повар снял одну тушу и положил на пень. Взял два больших ножа и начал их точить друг о друга. Потом приблизив блестящее лезвие к туше, произнес «бисмиллах».

Движения были быстрыми и ловкими. Чувствовалось, что он мастер своего дела. Через несколько минут туша на пне превратилась в грудку мяса. Повар Мамед положил в кипящий казан жирные куски баранины и взялся за новую тушу. Это была его работа и основная обязанность.

...Были еще двое, кто не спал до утра. Разговор двух людей, начатый еще вечером у костра, пока не завершился. На одном из них была большая конусовидная папаха из войлока. Специальные лопасти, пришитые сзади папахы, ниспадали до плеч. Это было сделано для того, чтобы защищать спину от дождя и ветра. У него была привычка носить в ухе круглую серьгу. На ногах были высокие, сшитые из кожи сапоги. Хотя лицо было суровым, глаза узкими, взгляд их тем не менее был выразительным и осмысленным. Прямой нос придавал лицу вид топора. Взгляд был суровым и решительным. Ростом хотя и небольшой, но стана крепкого. Бурая борода была аккуратно подстрижена. И хоть на момент беседы он был прост, это, тем не менее, был сам Великий Эмир.. Все, кто его видел, часто рассказывали о его сметливости, доблести в бою, решительности и суровости. В одном из боев он получил тяжелое ранение правой ноги и правой руки, поэтому хромал, а два пальца на руке не работали. Но несмотря на это, он не сторонился боя и всегда вступал в него.

Подергивая иногда тонкую бороду, он слушал сидящего перед ним и думал. В этом разговоре собеседником был его сторонник, старый уstad Сейид Берке. Длинная борода и белая чалма этого человека, от которого веяло благородством, придавали ему особую прелесть. Сейид, время от времени ворошивший палкой угли в костре, выглядел озабоченным.

У костра, разожженного неподалеку от шатра, эти двое сидели рядом на рогожах из камыша. Охранники, стоявшие в пятнадцати-двадцати шагах, с вниманием и интересом смотрели на них. Это была их обязанность. Великий Эмир еще с ночи приказал никого к ним не пускать, даже самых близких.

Из разговора чувствовалось, что в некоторых вопросах Эмир с устатом не соглашался, его лицо, покрасневшее на морозе и от жара костра, стало еще более красным. Но возражал он не повелительно, а тихим, спокойным голосом. Уstad в очередной раз поворошил палкой угли в костре.

– Курултай тебя избрал Великим Эмиром. Что ты намерен делать после этого?

Тамерлан почувствовал, что разговор, начатый еще ночью, подошел к самому серьезному моменту, и не стал медлить с ответом.

– Объединю весь Туран! Верну Турану прежнее могущество!.. – Эмир замолк, почувствовав на губах устада, затерявшихся в бороде, тихую усмешку. – Говоришь, у меня не хватит сил для этого? – недоверчиво спросил он.

– Хватит, но... – Сейид немного помолчал. – Но Туран слишком велик, на востоке простирается до моря, на юге окружен Индией, на севере земли Орды простираются до столицы Московии. На западе граничит с землями халифа неверных Папы. Разве это не много?

Эмиру вновь захотелось возразить устату.

– Пусть будет так, уstad. Но и длина моего меча может достать те места, о которых ты говоришь. Потому что у меня есть верная мне сильная армия.

Сейид, сидевший скрестив под себя ноги, вытянул одну. Рукой осторожно помассировал затекшее колено, посмотрел на собеседника.

– Я ни в коей мере не ставлю под сомнение длину твоего меча. Но для этого надо успешно решить множество вопросов.

Тамерлан понял, к чему он клонит. Предусмотрительно поднял левую руку:

– Знаю, уstad, что ты скажешь. Скажешь, что для этого нужно много денег, золота.

Уstad подтвердил его слова.

– Верно. Для этого нужно много золота. Поэтому Шелковый путь должен быть у тебя в руках. На всех дорогах нужно навести порядок. Сейчас на Шелковом пути настоящий хаос.

Каждый, имеющий силу, грабит караваны или берет невысказанную мзду. Но для того, чтобы контролировать Шелковый путь, Туран должен полностью перейти под твоё подчинение, твой меч и господство должны быть всемогущими. В противном случае... о Туране говорить не имеет смысла.

Тамерлан растерянно посмотрел на него.

– Разве это невозможно?

В запыленных под бородой губах вновь появилась многозначительная улыбка, но Сейид быстро спрятал ее, приняв серьезный вид.

– Конечно, возможно! Ты правильно поступил на курултае, посчитав, что не достоин быть ханом, и ограничился званием эмира. Это хороший намек людям из рода Чингисхана. И еще: основной вопрос не в звании, а в том, на чьей ты стороне сегодня.

От этих слов устада Тамерлан почувствовал легкое опьянение, вытянул из-под себя левую ногу, протянул в сторону костра и жизнерадостно сказал:

– Верно говоришь, устад, сила не в истине, истина в силе! Там, где есть насилие и меч, там есть сила!

От этих внезапно сказанных слов Сейид Берке растерялся. Он не учил Тамерлана таким вещам. «Откуда у него такие опасные мысли? – подумал он. – Может, в свое время я что-то неправильно ему объяснил? То, что он философ, я знал, но не думал, что он будет думать о таких плохих вещах».

Озвучить эти мысли означало повернуть разговор в нежелательное русло, но кое-что довести намеками, подспудно следовало бы.

– Сын мой, я знаю, что ты – один из избранных Аллахом, – сказал устад, подняв обе руки вверх, – перед его силой и мудростью не устоим ни я, ни ты, ни армия.

Тамерлан понял, что он хотел сказать и устыдился своих слов, сказанных по молодости. Вновь подтянул левую ногу под себя. Виновато посмотрел на устада.

– Прости меня, устад! Кажется, я богохульствовал.

Извинение собеседника подняло настроение Сейида.

– Сын мой! – тяжело заговорил Берке с еле ощущаемой печалью в голосе. – Запомни одну истину. Меч никогда не может быть истиной! Но если он работает на нее, это уже сила и с этой силой можно разговаривать.

Тамерлан не совсем понял эту мысль устада, но ее цель осознал.

– Но что надо сделать для того, чтобы полностью завладеть Тураном, устад, подскажи.

Берке этот вопрос ждал как вывод из ночного разговора. Он очень терпеливо и очень долго ждал этот миг. Но он стал спешить, и чтобы держать собеседника в ожидании, опять стал ворошить угли в костре. Чуть погасший костер вновь разгорелся. Почувствовав, что Тамерлан внимательно смотрит на огонь, переменял тему.

– Видишь этот костер? Ранее он чуть погас. Я поворошил угли, они вновь разгорелись. Значит нужно вмешательство со стороны, иначе совсем погаснет. Ты понимаешь?

Эмир на эти мудрые слова восхищенно покачал головой.

– Конечно, понимаю, устад! Если в любой вопрос вмешиваться, он будет жить, стоять на ногах, если пустить на самотек, превратится в пепел как он. – И Эмир показал рукой на костер.

Сейид остался очень доволен этими словами Тамерлана и незаметно, подняв руки, послал благодарность небесам.

– Слушай внимательно, ибо это в будущем решит твою судьбу, судьбу твоей семьи, государства, Турана.

Сейид перешел на шепот. Теперь его не слышали даже охранники, но по выражению лица молодого Эмира понимали, что это очень важно. Если бы в этот момент Эмир понял, что кто-то из охранников услышал разговор, охранник все рано ничего не запомнил бы. Потому что

они не были так грамотны и мудры, чтобы понять суть разговора. У них была своя служба и согласно ей они были глухи и немые.

Сейид, видя, что Тамерлан его внимательно слушает, продолжил разговор:

– Чингисхан, а еще раньше гектюрки называли Туран Вечный Эль. Разве можно было стать покорителем, распространить на весь мир тюркский дух и ислам без восстановления этой страны?

Издали вновь послышалось фыркание лошади.

Выстроенные в ряд казаны кипели, приятный запах нарубленного поваром мяса распространялся между шатрами.

Разговор же был нескончаемым. Такое впечатление, будто эта встреча была последней. Сейид Берке, услышав издали идущий запах еды, вздохнул полной грудью.

– Если ты хочешь, чтобы твои костры издавали такой приятный запах, казаны всегда должны быть на огне, несколько моментов должны стать для тебя серьгой в ухе! – Поднял голову, посмотрел на круглую серьгу в ухе Эмира, добавил: – Нет, я не имею в виду обычай, который остался от татар и китайцев. Я намекаю на серьгу мысли.

Тамерлан понял, что устад сейчас даст ему серьезный совет.

– Чтобы стать завоевателем мира, кроме сильной армии должны быть грамотные и гибкие советники. Ты должен специальное внимание уделять ученым, шейхам, сейидам и улемам. Кроме этого ладить с купцами и дервишами. Ты всегда должен их защищать! Купцы будут твоими глазами, они будут доносить твои победные вести из одной страны в другую. Созданное мнение порой бывает сильнее и острее, чем оружие. Купцы также смогут хорошо кормить армию. А также сконцентрируют в твоих руках выгодные торговые пути.

А дервиши – это твои хорошо слушающие уши. Если где-то возникнет опасность или поднимутся волнения, они сразу сообщат тебе. Шейхи, сейиды, улемы будут твоим говорящим языком. Будут поддерживать твой джихад во имя ислама, создавать спокойствие на завоеванных тобой территориях, призывать всех повиноваться Аллаху и его представителю на земле, тебе.

Все услышанное крепко запечатлевалось в и без того хорошей памяти Эмира. Но он был уверен, что наставление на этом не закончено.

– А что дальше, устад?

– Дальнейшее известно. Армией будешь управлять по законам Чингисхана. Ты знаешь, что тюрки-татары в бою бывают очень дисциплинированными, но в свободное время очень любят вольность. Закон им позволяет эту вольность. А государством будешь управлять по законам ислама, по этим же законам собирая налоги. После того как нейтрализуешь татар и Орду, пойдешь на сердце Турана – Вечный Эль, Азербайджан. Дашь западу немного отдохнуть, пойдешь на восток и юг. Да-а, вот там, завоевав Индию, которая нам осталась в наследство от Чингисхана и династии Газневи, ты станешь богатым. Затем снова пойдешь на запад, на самую воинственную ветвь Турана, приведешь к повиновению османов. После этого можешь вздохнуть спокойно. После того, как все это будет сделано, будет создано тюрко-исламское единство. Не создав этого единства, идти на гяуров было бы безумием. Потому что из не завоеванных тобой тюркских территорий можно всегда ожидать опасности.

Устад замолк. Как будто неожиданно появившиеся советы иссякли.

Жесткий взгляд собеседника был устремлен вдаль. Ему казалось, что совсем издалека, там, где встает солнце, слышался волчий вой. Но на самом деле его ушей достиг звук азана. Божеская сила этого звука заставила его встать.

– Бисмиллах рахманир рахим, – сказал он и встал. В тоже время эта фраза была произнесена для начала большого пути.

Глава 1

Самарканд, 1398 год.

Тамерлан беспрекословно следовал законам, оставшимся после Чингисхана, в частности, запрещал тюркам жить в городах. В городах дух тюрков слабел. Настоящий тюркок должен жить на равнине, вдыхая запах полыни, должен работать с мечом. Тамерлан относился к горожанам с недоверием. Живя большую часть своей жизни в шатрах, в бескрайних степях и горах и скача на лошадях, он в этом духе вел и войны, не знавшие поражений.

Раньше ему никогда не приходило в голову, что когда-то у него будет свой собственный город, и не пройдет много времени, как Самарканд станет самым крупным в мире торговым и политическим центром. А однажды, когда его шурин Эмир Гусейн решил обосноваться в Балхе, Тамерлан попытался его переубедить, но в 1369 году, в бою с ним, после того, как побежденный Эмир Гусейн был убит, он женился на вдове шурина, принцессе Сарай Мюльк, дочери хана Джагатая из рода Чингисхана и тут же в Балхе созвал курултай.

На состоявшемся восьмого апреля курултае участвовали представители аристократии, беки, главы племен, соратники и даже те, кто раньше был противником. Присутствовали на курултае и очень уважаемые лица – Эмир Шейх, Байан из династии Сулдуз, Эмир Ульяти, Эмир Кейхосров из уруга Хатлан, Эмир Давуд из уруга Дуглат, Эмир Сарбугай из племени Джалаир, Эмир Джаку из племени Барлас, Эмир Зинда и другие. По древнему тюркскому обычаю, Тамерлана, сидящего на белой кошме, три раза приподняли вверх. После ритуального слова устада Сейида Берке «салават» его объявили Эмиром. С того момента он уже считался Эмиром удела Джагатая.

На трон хана Джагатая формально посадили Сургатмышу, а после его смерти в 1388 году на трон был посажен его сын Султан Махмуд. Потому как Тамерлан был женат на Сарай Мюльк, его называли зятем Великого хана. Это звание позволяло Тамерлану единолично управлять всем уделом Джагатая.

После того, как он был объявлен Эмиром, Тамерлан стал задумываться о многих вопросах. Он прекрасно понимал, что дело не может ограничиться лишь тюрками, зиму проводившими на зимних пастбищах, лето – на альпийских лугах. Для общения с оседлыми народами, для управления государством необходимо иметь столицу. А в столице для управления государством должен быть диван и его руководитель. Наряду с руководителем необходимы были один заместитель, арчы бей, первый визирь, контролирующий земельные, таможенные вопросы, пошлины, правопорядок, второй визирь по вопросам обеспечения продуктами воинов и оплаты их службы, третий визирь по вопросам дисциплины и наследству в армии, четвертый визирь по управлению дворцовыми затратами. Но прежде всего нужно было определить столицу.

Тамерлан все это хорошо понимал, он много думал на эту тему. Сначала он хотел сделать для себя столицей Кеш, где он провел молодость и где беком в племени Барлас был его отец Таргай, но потом переменял это решение. Потому что идея создания большой империи не может вместиться в маленький город – Кеш был слишком мал. В то же время не был легендарным. Столицей должен был стать город, который смог бы восстановить былую славу. Таким городом мог стать лишь Самарканд, полный мифами и легендами, город Алп Эр Тонга, жившего до Александра, в «Шахнаме» упоминавшегося как Афрасияб. Именно в этом городе пьяный Александр Македонский убил друга детства Клитани. Самарканд, находящийся на Шелковом Пути, издревле славился золотом и серебром. Издревле производившиеся в городе различные изделия, пахучие масла были популярны даже в Китае. Белые гунны, а потом и гектюрки очень любили этот город. Позднее, когда сюда пришел ислам, арабы называли Самарканд воротами Востока.

Чингисхан не оставил в Самарканде камня на камне. Безжалостно убивали всех, кто попадался навстречу, женщин, девушек насиловали, детей насаживали на пики, многие дома были разрушены, а самое страшное – была сожжена главная мечеть...

Стоило определить Самарканд новой столицей. Город восстановится, станет еще краше, будет расти и развиваться.

Как только Тамерлан выбрал для себя Самарканд в качестве столицы, в первую очередь он подумал о его укреплении. Работа началась с крепостных стен. И в скором времени Самарканд занял место среди таких знаменитых городов, как Султание, Тебриз, Багдад, Каир. А позже и опередил их.

После избрания Самарканда столицей Тамерлан издал указ о восстановлении города, о новом строительстве. За эти годы во всех уголках города были заложены сады, возведены дворцы. Специалисты, приглашенные в Самарканд со всех концов мира, за короткий срок изменили внешний вид города. На севере Самарканда был заложен не имеющий в мире аналога Северный сад. В 1397 году в честь женитьбы на дочери хана Джете Хызыра Ходжи был заложен сад Ханыгюль. Для принятия послов был разбит сад Дилафша. У нового сада не было аналогов, он был окружен высокой стеной, а по углам возведены башни. Бассейн в саду был весь выложен зеркалами.

Дворец в центре сада окружали различные фруктовые деревья, а сады Чинар и Райский были усыпаны цветами. Наряду с этим Тамерлан вел большие строительные работы в Кеше, Бухаре и других городах. Дворцы, медресе, мавзолеи, мечети росли как грибы после дождя, придавая городам еще большую красоту.

Всех очаровывали в Самарканде Голубой дворец, мечеть Биби ханум, мавзолей Шахи Зинде. Вокруг города цвели сады. Глядя на город сверху, среди буйной зелени можно было заметить многочисленные купола голубого цвета. Все центральные улицы города были выложены камнем, в конце каждой улицы была площадь. Основные улицы выходили на главную площадь, к Голубому дворцу.

После курултая Тамерлан на все должности посадил своих друзей детства и соратников. В государственной экономической политике у него было два основных направления: регулируемые цены, справедливая мера и рычажные весы. Он прекрасно понимал, что внедрение этого позволит ему добиться успехов во внешней политике. Правитель, не совсем уверенный за внутреннее состояние страны, не должен выходить в поход! Кажется, об этом ему не говорил Сейид Берке.

***

Увеличение с прошлого года числа караванов, приходящих в Самарканд, вызвало у купцов подозрение и растерянность. Они подозревали, что будет поход. Если он будет, то где будет война? Сперва это обсуждалось втихаря, потом в мозгах у всех купцов прочно засела мысль: поход будет! На самом деле купцы и караванбаши радовались, когда были походы. Нескончаемые походы Тамерлана за несколько лет обогатили купцов Самарканда. Коммерсанты прекрасно понимали, что, следуя за войсками, они могли по дешевке скупать у воинов ценности, затем сперва в Самарканде, потом в четырех сторонах света продавать их по баснословной цене.

– Будет поход, поход будет!

Эта мысль гуляла по улицам, базарам, домам, но никто не говорил о сроках.

Как правило, купцы прекрасно знали, что более всего необходимо во время походов. Когда Тамерлан отдавал приказ о походе, воинам предписывалось взять один шатер на восемнадцать человек, двух коней, лук и стрелы, кольчугу, меч, шило, пустой мешок, мешок соли, заступ, десять игл, нитки, один тулум.

Десятники брали с собой шатер, плетеные доспехи, меч, лук, стрелы, пять коней и кольчугу; сотники также один шатер, десять коней, меч, кольчугу, лук, стрелы, булаву, кас кан;

тысячники каждый по шатру, зонт, возможно большее число доспехов, дротики, пики, мечи, кольчуги, луки и стрелы.

Первый эмир должен взять сто десять коней, второй эмир – сто двадцать коней, третий эмир – сто тридцать коней, четвертый эмир – сто сорок коней. А эмир всех эмиров не менее трехсот коней.

У каждого пехотинца должен был быть меч, лук и стрелы. И запас стрел – кто сколько сможет взять. Их во время боя не должно было быть меньше положенного. Эти законы, установленные Тамерланом, в первую очередь тяжестью ложились на плечи сотников, тысячников и десятитысячников, которые с ответственностью относились к их выполнению. Если бы поход состоялся, возросла бы потребность в зерне и мясе, в конях и ослах.

...Несмотря на мелкий дождь и грязь на улицах, народу было много. Была пятница, но и на базаре было не протолкнуться. Однако многие потеряли интерес к торговле. Тоскливость погоды отпечаталась и на лицах людей. Разговоры, пересуды в последнее время совсем охладили пыл купцов. Хорошо шла работа у торговцев сезонными фруктами, сухофруктами, орешками, лепешками, жареными тут же на круглых дисках. Неплохо шла торговля и в мясных рядах.

Пятидесятилетний управляющий базара, уединившись в своей комнатке, приткнулся в теплой печке и никого не принимал. Ну, примет, ну и что из этого? Он и сам ждал известий из дворца от мужа сестры Тамерлана, правителя Самарканда и управляющего канцелярией Давуд бека. Еще в прошлом году после подпольно организованного большого застолья, изрядно перебравший Давуд бек, заикаясь, проговорился о том, что внук самого Эмира, сын Джахангира Пир Мухамади отправлен на юг для подготовки. Тогда управляющий базара не обратил на эти слова внимания, подумав, что после стольких побед Эмир из Самарканда никуда не выйдет. Однако для походов у него уже подросли сыновья и внуки. Управляющему никак не удавалось поразмыслить глубже, мысли начинали разбегаться. И от Давуд бека не было конкретного указания. Если бы он услышал о походе, сразу бы погрузился в мечты о том, как заработает золото сундуками. И хотя казна его была полна золота, ему все было мало. Нужно было только подтверждение известия.

Теперь управляющий, облокотившись на подушки, подставив бок печи, нежась, ушел в думы. Поэтому не ответил на тихое постукивание по двери. Когда в дверь постучали громче, управляющий нехотя выпрямился

– Кто это там меня утомляет?

В тихо отворившуюся дверь сперва просунулась голова слуги, потом раздался испуганный голос:

– Ага, из Ширвана прибыл купец Агбаба. Хочет попасть к вам на прием. Что ему сказать?

Управляющий хорошо знал Агбабу из Ширвана. Знал и о том, что Ширваншах Шейх Ибрагим был союзником Тамерлана. Кроме этого был приказ Эмира: «Всех купцов хорошо принимать и устраивать». Не выполнившие приказ могли поплатиться головой. Более того – многих купцов принимал сам Тамерлан. Поэтому управляющий, не раздумывая, приказа слуге:

– Чего ты ждешь, приглашай уважаемого гостя! – Сам же встал, приосанился, поправил одежду.

Когда купец Агбаба вошел вовнутрь управляющий бросился навстречу, двумя руками схватил его ладонь.

– Добро пожаловать, уважаемый Агбаба! Как поживает Ширваншах Ибрагим? Там все спокойно? С каким грузом ты прибыл на этот раз в Самарканд? Что повезешь обратно?

Купец Агбаба из Ширвана, мужчина лет сорока, сорока пяти, ходил с караванами от Москвы до Дели, от Самарканда до Каира. Его, помимо всего прочего, знали как человека очень информированного, как буквально кладезь секретов.

Купец Агбаба, прищурившись, посмотрел на управляющего базара, улыбнулся и, не снимая меховую шубу, опустился на предложенные подушки. Он прекрасно понимал смысл заданного вопроса. То есть что ему поручил Ширваншах? Какие поручения Эмир дал Ширваншаху? Но все это нельзя было озвучивать – это не отвечало его интересам. Кто такой этот управляющий базара, чтобы из-за него идти на плаху? Но для того, чтобы самому кое-что разузнать, что-то надо и сказать.

– У Ширваншаха Шейха Ибрагима все нормально и, благодаря Великому Эмиру, да продлит Аллах его годы, изо дня в день становится все лучше. По мере улучшения положения населения и государства мы тоже ведем в Самарканд караваны.

Подобного рода ответ означал, что сын Эмира Мираншах не очень-то способен вмешиваться в дела Ширваншаха. По этой причине отношения Ширваншаха и Эмира не испорчены, Ширваншах остается его надежным соратником. Управляющий тоже был не лыком шит, не вдаваясь в подробности, по простым ответам на простые вопросы должен был понять, что в Ширване тоже что-то готовится. А если эта подготовка имеется, значит, в скором времени поход может начаться и из Самарканда. Он делал это отнюдь не из шпионских соображений – управляющего интересовали только золото и серебро. Он всегда собирал информацию у приезжавших и уезжавших, зарабатывая тем самым большие деньги.

Управляющий оскалился на поверхностный ответ купца.

– Да, прекрасно, прекрасно. Дай бог, чтобы между нами всегда было дружелюбие. Да, я не спросил, вы что-нибудь выпьете?

Агбаба перебил его.

– Нет, нет, спасибо! В караван-сараяе я поел горячего супа. Моя же просьба к вам – взыскать пошлину за привезенные товары и разрешить их продажу. – Купец Агбаба, не дожидаясь ответа, сунул руку во внутренний карман шубы, вытащил мешочек, полный золотых монет, развязал его и положил на ковер перед управляющим. – Пожалуйста, я свое дело знаю, здесь больше чем надо.

Управляющий, у которого при виде золота загорелись глаза, схватил мешочек, не считая деньги, спрятал в стоящий рядом сундук. Здесь в таких делах никто никого обмануть не мог.

– Хорошо, а что ты привез?

– На этот раз это хорошая кожа, дубленые шкуры.

– К-о-ожа! – управляющий, растягивая букву «о», странно сжал губы, и с удивлением спросил:

– Сколько верблюдов?

– Двести пятьдесят.

Глаза управляющего чуть не вышли из орбит.

– Двести пятьдесят?

– Да, двести пятьдесят.

Управляющий с трудом выговаривал слова.

– Зачем тебе столько кожи? На наших базарах ее больше чем достаточно.

А про себя подумал, что догадки его не обманули: поход будет. Все купцы привозили в Самарканд все необходимое для войны.

Беспечное выражение лица купца не изменилось.

– Не знаю, был заказ, я привез.

– А что повезешь в Ширван?

– Старинные вещи, изделия из золота и серебра, фарфоровую посуду. Короче, все, что хорошо продается по ту сторону Хазара.

Полученная управляющим информация была достаточна для подтверждения его догадок. Теперь основной задачей было ждать вестей из дворца. Поэтому больше ни о чем не спрашивая у купца, вытащил из сундука по левую руку лист китайской бумаги и печать. И делая

вид, что это был просто разговор, улыбнувшись, тиснул круглую печать на разрешение для купца. Потом двумя пальцами поднял листок, дунул на него, чтобы чернила быстрее высохли, протянул Агбабе.

– Возьми, ага, Аллах тебе в помощь. Чтобы на твоём блюде всегда был хлеб!

Купец взял бумагу, мельком взглянул на нее, убедившись, что чернила высохли, сложив, спрятал во внутренний карман шубы, встал и поблагодарил управляющего.

– Пусть Аллах всегда будет доволен вами, ага! Каждый раз, когда я бываю здесь, вы всегда решаете мои вопросы. Поэтому на это раз я хотел бы...

Увидев, что управляющий встал и уставился на него, купец оборвал фразу. Как получилось, что управляющий не обратил внимания на прекрасную меховую шубу купца? «Вся торговля мира проходит через Самарканд, а они одеваются лучше нас», – подумал управляющий.

Агбаба словно читал его мысли.

– Да, я вот о чем, ага... Каждый раз, когда я бываю здесь, вы встречаете меня с большим уважением, поэтому я привез вам в подарок меховую шубу. Очень прошу вас принять этот маленький подарок. Он в вашей приемной, в мешке. Прикажите слуге, пусть принесет.

Управляющий не поверил своим ушам. Такой дорогой подарок невозможно было получить и от самого эмира.

– Ага, ну зачем так себя утруждать?! – Сказав это, он крикнул слуге: – Эй, ты, принеси мешок гостя из приемной!

Дверь отворилась и тут же затворилась. Слуга внес мешок и положил его к ногам управляющего. Купец наклонился и развязал мешок. Вытащил из мешка шубу, сшитую из дорогих мехов, потряс ее, расправляя. Потом накинул на плечи управляющего. Отошел, глянул на сверкающий мех.

– Bravo, носите на здоровье, как будто на вас сшито. Достояна султанов.

Агбаба умышленно не использовал слово «хан». Ибо знал, что здесь хан и эмир ставится намного выше, чем шах или султан.

Управляющий вновь стал благодарить купца.

– Да продлит Аллах твои годы, ага! Чтобы руки твои никогда не были пусты!

Когда купец Агбаба попрощался с управляющим и вышел, слуга постучался вновь, потом, не дожидаясь разрешения, просунул голову в проем двери.

– Ага, из дворца пришел человек, пригласить?

Управляющий, еще не пришедший в себя от такого подарка и даже не присевший, вдруг замер на месте и его охватило волнение. Ему даже не пришло в голову снять шубу. Походил по комнате, обернулся к голове, торчащей из двери.

– Чего ты ждешь, сукин сын, конечно зови, пусть идет!

Голова в двери исчезла, чуть позже створки распахнулись, гонец из дворца вошел в комнату. Это был слуга Давуд бека. Он передал управляющему бумагу и, не спрашивая разрешения, ушел.

Сразу развернуть листок духа не хватило. Потом этот маленький листочек начал буквально жечь руку управляющего. После этот жар перешел на пальцы, затем разлился по всему телу. Управляющий почувствовал, что эта записка решит его судьбу. Потом, не раздумывая, развернул. Там была всего одна фраза: «Будет поход, готовься!».

Управляющий сжал записку в руке. Уставился в одну точку. Потом бросил листок в печь. Упав на раскаленные угли, клочок бумаги мгновенно вспыхнул. Мысли управляющего были совсем далеко. Он не отрывал взгляда от огня, и, казалось, взгляд еще более разжигает огонь. Наконец он принял решение и приказал созвать к нему главных купцов.

Когда в комнату стали собираться купцы, торгующие кожей, железом, шелком, нитками и другими товарами, управляющий, усиленно шевеля извилинами, удобно сел и, скрестив ноги, стал потягивать кальян. Когда все собрались, он знаком приказал слуге убрать кальян. Купцы,

удобно устроившись, приготовились слушать. Управляющий дал краткие и конкретные указания.

– Прекратите разговоры на базаре! Занимайтесь своими делами! Похода не будет! Уходите!

На купцов, поверивших за последние дни слухам и желавших подороже продавать товары, словно вылили ушат холодной воды. Опустив руки, понурые, они отправились на базар. Как только купцы, придерживавшие товар в ожидании повышения цен, вернулись на базар, они нарушили торговую тишину. Базар ждал, с чем они вернутся от управляющего. Весть о том, что похода не будет, заставила их выбросить весь припрятанный товар на рынки, и, естественно, цены сразу упали.

К вечеру, когда на базаре появился человек, считавшийся доверенным лицом управляющего, этому вначале никто не придал значения. Собственно, он бывал здесь каждый день, ходил по базару, присматривался ко всему. Но от торговцев не ускользнул тот факт, что Баллы прошел на кожевенный ряд и стал делать покупки. Через некоторое время Баллы начал стремительную торговлю.

– Сколько у тебя кожи?

Торговец, хорошо зная Баллы, не обратил на вопрос особого внимания и равнодушно ответил:

– Двадцать пять верблюжьих вьюков, – сказал он и отвернулся.

– Почему отдаешь?

Торговец обернулся и насмешливо спросил.

– Как будто не знаешь, за двадцать.

– Отдашь за пятнадцать курушей, возьму все.

Торговец с выпученными глазами уставился на Баллы.

– Зачем тебе столько кожи? Похода... похода же не будет!

– Какое твое дело? Куплю, брошу собакам на съедение. Так продашь или нет?

Если похода не будет, ждать смысла не имело. А продать оптом было выгодно. Да и скандал здесь был бы лишним расходом. Да и при подсчете это были немалые деньги. Но торговец не забыл о том, что надо торговаться.

– За семнадцать.

Баллы помахал рукой.

– Нет, за пятнадцать, и точка! Ты знаешь, что беру не для себя. Хозяин поручил. Он тоже для кого-то берет. Не продашь ты, куплю у другого. Ты слышал...

– Что?

– Из Ширвана пришел караван с грузом кожи. Двести пятьдесят верблюдов с поклажей. Если завтра выбросят на базар, даже за пятнадцать не продашь. Пока не поздно, соглашайся.

Торговцу ничего другого не оставалось.

– Хорошо, за пятнадцать так за пятнадцать. С помощью Аллаха! Для согласия протянул руку Баллы. Баллы вытащил из-под кушака мешочек с золотом, пересчитал.

– Держи деньги, как стемнеет, слуги придут и заберут товар.

Таким образом Баллы обошел купцов, торгующих кожей, железом, нитью, договорился с ними. У кого какой товар был, все скупил по низкой цене. Под его руководством ночью все товары были перенесены в амбар управляющего. Несмотря на настойчивость Баллы, только купец Агбаба отказался продать свой товар. Он знал, что у него есть заказчик, которому товар доставлен из Ширвана...

Наутро базар гудел как встревоженный улей. Весть разнеслась со скоростью молнии. Поход будет! Как только купцы получили эту весть, на базаре поднялся гул, в воздухе разлилось напряжение. Купцы начали искать товар, необходимый для похода, но ни у кого ничего не осталось.

Теперь наступал момент для зарабатывания денег управляющим. Десятники, сотники ходили по базару, но когда видели то, что им нужно за чересчур высокую цену, ворча себе под нос, уходили. А цена товаров, необходимых для войны, безудержно росла. К обеду цена кожи с двадцати курушей возросла до пятидесяти...

... Через день дорога, которая шла от основной резиденции империи – Голубого Дворца – была выложена коврами. Тамерлан со своим приближенными ехал на базар. Впереди выступали зурначи и барабанщики с бубнами. Громкие звуки зурны и удары бубна возвещали о том, что это идет сам Тамерлан. Впереди музыкантов двое несли переносную виселицу. Люди, видевшие виселицу, понимали, что будет что-то интересное, стекались к обочинам дороги, приветствовали Эмира и его приближенных.

Рядом с Эмиром был его четырехлетний внук Улугбек. Несмотря на юность, он гордо сидел на коне. Позади Тамерлана ехали его соратники Жаку бек, Сейфеддин бек, Ардешир Гавчин, члены совета Сан Буга бек, Гусейн Барлас, Аг Буга бек, правитель Самарканда Давуд бек. Когда процессия дошла до базара, Тамерлан натянул поводья. Музыканты и барабанщики замолкли. Все ждали, что же произойдет. Управляющий базаром подбежал, поприветствовал Тамерлана, поцеловал стремя с правой стороны, отошел и преклонил колени. Эмир некоторое время, прищурившись, смотрел на него и людей. На кого именно смотрел он, было неясно. Наступила тишина. Было непонятно, для чего Тамерлан пришел на базар. Затянувшуюся тишину нарушил чей-то величественный голос.

– Эй, негодяй, где этот плут?

От вспыльчивого возгласа Эмира у управляющего пересохло в горле. Не понимая, что происходит, он поднял голову и залепетал:

– О ком... вы... говорите, хозяин?

Голос Тамерлана стал еще тверже, загремел на весь базар:

– О твоём помощнике, негодяе Баллы! – И приказал одному из телохранителей: – Быстро найди его. Из-за него мы прибыли на базар. Пришли, чтобы устроить суд, принять справедливое решение, а его нет. Найди его!

Несколько телохранителей бросились в толпу. Собравшиеся вокруг люди были в полной растерянности. Никто ничего не понимал, но и спросить друг у друга не решались, только молчали. Более того, боялись даже поднять голову, чтобы не напороться на гнев Тамерлана. Все внимание было приковано к управляющему. Все были уверены в одном – управляющему пришел конец. Прошло немного времени, как приволокли Баллы и бросили к ногам коня Эмира. Помощник управляющего так и стался лежать ничком.

Он не был даже в состоянии поприветствовать правителя. Эмир с ненавистью посмотрел на него, перевел взгляд на телохранителей. Это означало: поднимите его. Двое, завернув Баллы руки, подняли его.

Голос Тамерлана, казалось, разрушит базар:

– Почему народ с толку сбиваешь, негодяй!? Или ради наживы готов пожертвовать жизнью? Разве не ты отдал приказ поднять цены выше установленных? Обманываешь купцов, говоришь, похода не будет, снижаешь цены, потом распускаешь слух о том, что поход будет, и скупленные товары поднимаешь в цене в пять раз. Отвечай, шельма, кто тебя научил? Ты до такого не додумался.

Баллы поднял голову, изумленно посмотрел на правителя. Он был бледен как смерть, язык присох к небу.

– Я-я-я не ви-но-ват, клянусь, не виноват, о правитель. Как мне приказали, так я...

Он не договорил. От страха и волнения он трясся, рыдания душили его. Был уверен, что ему пришел конец. И как бы в последний раз оглядел собравшихся.

На самом деле Тамерлан прекрасно знал, кто стоит за этим. Он просто хотел довести это до всех, заставить их уважать законы, привить страх. Для этого стоило устроить суд на базарной

площади. Он знал и то, чье имя назовет Баллы, но народ должен был услышать это от него самого.

– Ну что, язык отсох? Сейчас прикажу тебе в глотку налить раскаленного свинца, тогда быстро заговоришь. Говори, кто тебе приказал! – посмотрев на окружающих, крикнул Эмир.

Баллы словно язык проглотил, будто в горле кусок застрял. Вытаращив глаза, оглянулся на управляющего, стоящего на коленях перед конем Эмира.

Тамерлан нагайкой указал на управляющего.

– Этот? Управляющий?

Баллы вдруг с трудом кивнул отяжелевшей головой. А все еще стоявший на коленях управляющий напоминал чучело. В этом виде он ничем не отличался от пугала в огороде, установленного для распугивания птиц. Он чувствовал на себе жесткий взгляд и таял, как снег на жарком солнце.

Вдруг он свалился в ноги коня и завыл:

– О правитель, пощади, я не виноват, не виноват!

Тамерлан гневно посмотрел на него, потом повернулся к народу.

– Люди, если человек первый раз совершает ошибку, его можно возратить в веру, простить, – громко сказал он. – Однако если эти ошибки становятся привычкой, его никогда нельзя простить. Разве не так?

Не ожидая ответа, он опять повернулся к управляющему.

– Ты делал маленькие ошибки, мы знаем это, но закрывали глаза. Мы считали, что нельзя наказывать человека за мелкие ошибки. А оказалось, что мелкие ошибки такого жулика, как ты, открывали дорогу большим грехам. Да, все большие дела начинаются с маленьких. Если бы мы не закрывали глаза на твои мелкие ошибки, сегодня ты не совершал бы больших грехов.

Тамерлан нагайкой указал на управляющего и обратился к народу:

– А результатом стало то, что этот негодяй пошел против дел государства, бросил тень на нашу политику. Скорее всего и тебя кто-то научил, кто-то стоит за тобой, раз ты отважился нарушить мой приказ. Говори!

Управляющий как лежал, так и не смог двинуться.

– Где правитель Самарканда? – спросил Тамерлан у приближенных, не отрывая гневного взгляда от управляющего. – Не ожидая ответа, приказал телохранителям, указывая на управляющего: – Поднимите его!

Два телохранителя проворно подскочили, взяли под руки управляющего, подняли. В этот момент Давуд бек соскочил с лошади, подбежал к Эмиру, опустился на одно колено.

– Я здесь, правитель!

Несмотря на то, что правитель Самарканда был его ближайшим родственником, жесткости в голосе Великого Эмира не убавилась.

– Разве не ты отвечаешь за этот город? Перед твоими глазами происходят такие безобразия, почему не видишь? Ну? У этого могут быть две причины: или ты в сговоре с управляющим, или ты не на месте, бездарен. Я бы хотел, чтобы ты был бездарным.

Давуд бек не растерялся.

– Мой правитель, да продлятся твои годы! Когда я получил указание, отправил управляющему записку, чтобы он готовился.

– Что было в записке?

– Будет поход!

Эмир, поняв, что ближайший родственник избавился от веревки на шее, глубоко вздохнул. Но слова Давуд бека должен был подтвердить и управляющий. В противном случае население города неверно поняло бы это. Поэтому он крикнул управляющему, который еле держался на ногах, поддерживаемый телохранителями.

– Скажи, правду говорит Давуд бей? Посылал он тебе такую записку?

Голова управляющего, едва державшаяся на шее, мотнулась в знак согласия. Нагайка Эмира решительно указала на управляющего и Баллы.

– Кто нарушит указ, кто грабит народ, предаст страну, скроет правду, его судьба будет такой! Суда справедливости избежать нельзя. Я объявляю свое решение: повесить!

Толпа как будто ждала этого момента, взорвалась аплодисментами, возгласами, прославляющими Эмира.

Глашатай, занимающийся мобилизацией и обеспечением армии, воодушевленно закричал:

– Слава Великому Эмиру!

– Таким бывает справедливый, великий правитель!

– Где есть справедливость, там есть добро и изобилие!

Когда телохранители начали тащить к виселице, давно ожидающей своих жертв, этих двоих, окаменевшими взглядами взирающими на происходящее, управляющий словно очнулся.

– Правитель, я ни в чем не виноват, мне многое надо сказать тебе. Люди, это все игра, меня сделали козлом отпущения! – из последних сил крикнул он.

Но среди грома аплодисментов и восторженных криков толпы этот крик не был слышен. На самом деле своей алчностью управляющий давно сунул голову в петлю, Великий Эмир лишь объявил о своем решении. Если за ранние прегрешения управляющий не получал наказания, значит тогда надо было так. А теперешняя расплата за недостойные игры была логическим наказанием за предыдущие прегрешения. Какое значение имели подробности? Главным была суть. И за эту суть Эмир считал приемлемым отдать одного жулика в жертву государственной политики. В стране, которая собиралась воевать, держать на высоких должностях подобных людей было недопустимым. Это решение должно было создать долговременную стабильность в столице империи.

Великий Эмир и его приближенные, повернув коней, направились во дворец. И хотя они уже были далеко, за ними остался поучительный след: на виселице болтались трупы управляющего и его помощника.

***

В четырехэтажном дворце все готовились к походу. Темп жизни дворца и заботы полностью изменились. Все бегали, куда-то торопились. В подвале мастеровые спали по очереди, кузнечные меха не останавливались, не прекращался звон молота о наковальню. И хотя от звуков ударов молота у кузнецов болела голова, работа ни на минуту не останавливалась. Все занимались изготовлением оружия. Этот подвал считался основным оружейным цехом Тамерлана. Здесь ковали мечи, пики, щиты, стрелы, булавы, шлемы, доспехи и многое другое. Потом все это проверялось, испытывалось, затем сдавалось на склады.

Один из подвалов был монетным двором правителя.оборот денег в империи начинался отсюда. Здесь чеканились монеты, которые распространялись по всему миру.

В соседнем подвале содержались самые опасные противники Эмира.

Оживление было и в верхней части дворца, даже в женской половине: женщины тоже готовились к походу.

Еще в молодости, когда Тамерлан женился на Олджай Ага, она родила ему сына Джахангира. Еще до курултая во всех походах наравне с Тамерланом делившая трудности и невзгоды кочевой жизни, не оставлявшая его ни на миг, Олджай Ага ханум совсем молодой ушла из жизни. А любимый сын Тамерлана Джахангир был убит в одном из боев в 1375 году. Сыновья Джахангира Мухаммед Султан и Пир Мухаммед были любимыми внуками правителя. А жена Джахангира принцесса Севим ханум была выдана замуж за Мираншаха и отправлена в Азербайджан. После смерти Олджай Ага Тамерлан женился на вдове своего шурина Гусейна

Сарай Мюльк и сделал ее первой женой своего гарема. Туман Ага, Дурмуш Ага и Тюкель соответственно стали второй, третьей и четвертой. Кроме этих четырех жен Тамерлан больше ни на ком не женился. Тамерлан пережил смерть двух сыновей из четырех – Джахангира и Омара Шейха (1391). Из оставшихся в живых Мираншах управлял Азербайджаном (с перерывами), а Шахрух – Хорасаном с центром в Герате. Тамерлан отнюдь не держал своих детей при себе и не холил их.

Женщины прекрасно знали, кто из них пойдет с Тамерланом в поход. Но, несмотря на это, готовились все. Никто не понимал окончательного решения Тамерлана, его назначения и указы или менялись, или же откладывались. Как правило, Тамерлан, отправляясь в поход, брал с собой всех жен, однако за несколько дней до боя оставлял одну, остальных отправлял в безопасное место. После победы опять звал их к себе, включая внуков.

Учитывая, что этот поход должен был проходить через труднодоступные и скалистые территории, он предварительно принял решение взять с собой только одну жену. Но, несмотря на это, женщины готовились провожать Эмира. Женщины дворца шили себе одежды из шелка, тонкой шерстяной ткани тирме и атласа, цвета выбирали по вкусу. Самым популярным из головных уборов был колпак, который украшался изумрудами, алмазами и другими драгоценными камнями. Из-под колпака опускалась вуаль для прикрытия лица. На кончике колпака красовался небольшой шарик, завершающийся мягкими птичьими перьями. Концы перьев, закручиваясь, падали вниз. Для придания лицу большей красоты эти перья иногда опускались до глаз.

Женщины надевали ниспадающие длинные платья, или юбки-фистан. Подол платья расшивался золотыми нитями. В зависимости от сезона поверх платья надевали наплечные накидки из тирме или бархата.

Сарай Мюльк, дабы показать свое господство, часто давала указания другим женам, поочередно называя необходимые вещи, которые должны были укладываться для похода Эмира, часто повторяла, затем проверяла исполнение. На самом же деле обеспечение похода к женщинам никакого отношения не имело. Просто это делалось для поддержания собственного авторитета, из претенциозности и высокомерия, и никто этому не противился. Тюкель, со стороны с сарказмом поглядывавшая на Сарай Мюльк, но не отваживавшаяся, однако, что-либо сказать, свою ненависть проявляла только в мыслях. Только посмотри на нее! Отдает такие приказания, будто она пойдет с Великим Эмиром в поход! Не утруждай себя, все, что надо, сделано, все давно определено. Ее свиное лицо не увидит ни одной победы! Великая ханум Сарай Мюльк тоже исподтишка поглядывала на Тюкель. От ее смышенного взгляда не ускользнуло, что младшая ханум ведет себя достаточно спокойно и довольна собой. Но что она могла сделать? Приказ правителя был категоричным: в поход пойдет только одна из жен!

Тем не менее, она продолжала приказным тоном:

– Младшая ханум, – со злостью обратилась она к Тюкель, – все в порядке? Да, запомни, Великий Эмир очень не любит, когда у него перед глазами часто мелькают, об этом даже не думай. Когда захочет, сам придет к себе.

Тюкель ханум, хотя и поняла злобный смысл этих слов, однако воздержалась от резкого ответа, ограничившись кивком в знак согласия.

– Как вы сказали, я так и сделала, Великая ханум.

Давно понимая выбор Эмира по его поведению, проявление осведомленности, тем не менее, могло взъярить Великую ханум. Поэтому, засмеявшись, она посчитала свою миссию завершённой.

Другие жены тоже не стали воздерживаться от реплик. Дурмуш ханум, по красоте не уступавшая Тюкель, тоже ее подколола:

– Скорее всего, самые лучшие трофеи Великий Эмир отдаст тебе. Ведь ты его последняя жена!

– Когда будешь выбирать трофеи, нас не забудь, – на этот раз не удержалась Туман Ага. Великая ханум поняла, что сейчас жены схлестнутся, и дело может дойти до драки. Младшая ханум ей не возразила, потому что ей не дано было такое право. Но другие жены могли ей ответить. Поэтому она решила вовремя пресечь разговоры:

– Женщины, прекратите пересуды. Разве когда Великий Эмир возвращается из похода, не показывает вам все трофеи? А вы всегда брали то, что вам нравилось. Что вы теперь хотите от младшей ханум? Услышит Эмир, всех накажет.

Женщины замолчали. Знали, что все бытовые вопросы во власти Великой ханум. Это право ей дал сам Великий Эмир.

В этот момент в комнату вошли Улугбек и его молоденькая няня Шады Мюльк, плененная в Азербайджане. Не дожидаясь упреков, принесла свои извинения:

– Ханум, я не смогла остановить маленького бека. Капризничает, говорит, бабушку хочу.

Тамерлан воспитание своего внука Улугбека до семилетнего возраста поручил Сарай Мюльк. И хотя у него была няня, за все отвечала Великая ханум. Была и другая причина того, почему маленький принц был отделен от отца Шахруха и матери Гевхар Шад...

Улугбек по-детски шаловливо вырвался из рук няни и бросился к бабушке. Поцеловав ее в обе щеки, удобно устроился у нее на руках и стал разговаривать по-взрослому:

– Бабуля, ай, бабуля!

От этого сладкого голосочка ханум возрадовалась. Поцеловала глазки, погладила по голове.

– Джан, мой маленький, что ты хочешь?

Улугбек пальцем показал на няню:

– Бабушка, я ей в глаза посмотрел.

Бабушка с удивлением посмотрела на няню.

– Почему? Что в них необычного?

– Знаешь, бабушка, ее глаза чисты как безоблачное небо. А зрачки светятся как звезды ночью.

Великая ханум весело рассмеялась. Остальные жены тоже присоединились к ней. Она крепко обняла ребенка.

– Ах, ты моя умница! Ладно, а кто тебя научил этому? Няня?

Няня густо покраснела. Она боялась, что ханум рассердится. Однако Улугбек сам ее выручил из этой ситуации.

– Нет, бабушка, она мне ничего не говорила. Я сам понял это. Ее глаза похожи на небо. – Тут Улугбек резко переменяет тему разговора: – Бабушка, я тоже пойду в поход?

– Нет, тебе пока рано, мой маленький.

– А дедушке? А ему скажете, что поздно?

Сарай Мюльк вновь разобрал смех.

– Дедушка придет, сам у него спросишь.

– А когда он придет?

Дедушка же пока в гарем приходиться не собирался. В моменты, когда голова была забита другими вопросами, ему было не до гарема. Этот поход не будет похож на другие. Тамерлан объединил ранее развалившиеся и воевавшие меж собой улусы Чингисхана, создал великую империю, в 1395 году на берегах Терека полностью победил хана Тохтамыша, разгромил, разграбил и разровнял с землей столицу Таны, Сарай Астрахань. Таким образом, Золотая Орда, созданная внуками хана Батгя и наводящая страх на всю Европу, после вмешательства Тамерлана развалилась на несколько частей. Собственно, Тамерлан не собирался идти на Тохтамыша. Более того, чтобы вернуть его на трон, ровно пять раз воевал с Золотой Ордой. В 1376 году Тохтамыш при непосредственном вмешательстве Эмира взомшел на трон Золотой Орды, получив при этом при правителе титул «сына». После московской победы Тохтамыша, случив-

шейся в 1380 году, его приближенные главным врагом его представили Тамерлана. По этой причине, опираясь на своих приближенных, Тохтамыш поднялся на войну против Тамерлана. В 1386 году он разграбил Тебриз, в 1387 году Кавказ, в том же году окружил Бухару. И только то, что Тамерлан двухмесячный путь одолел за пятнадцать дней, спасло Бухару от окружения, а Тохтамыш смог уйти на север. Когда в 1394 году Тохтамыш вновь совершил поход на Кавказ, терпение Тамерлана лопнуло и он принял решение окончательно покончить не только с Тохтамышем, которому делал все только хорошее, но и в целом с Золотой Ордой.

Разгромив Золотую Орду, Тамерлан направил свои войска на Москву, но, не дойдя до нее тринадцать фарсахов, от города Елец повернул армию на юго-запад и на берегу Азовского моря взял Казаки. Здесь он освободил мусульман, исповедующих же другую веру брал в плен или требовал большую дань.

Азербайджан, Багдад, Хорасан, Герат и другие города, считавшиеся землями Хулагу, давно были в подчинении Тамерлана.

В Средней Азии же у Тамерлана противников не было. Эмир хотел повторить победные походы Александра Македонского, Махмуда Газневи и Чингисхана. Не было у него большей цели для самоутверждения себя в качестве полководца. К тому же эти завоеватели ничем не превосходили его, он мог еще более блистательными успехами украсить историю. Поход в Индию должен был отличаться от предыдущих. Дальше... Дальше были еще большие, дальние цели. Эти цели впечатались в память тюркского духа. Там, в дальних уголках грез его воины мыли сапоги в водах чужих озер, эти места становились родными. А пока правитель готовился в поход на Индию, все помыслы, талант и мастерство тратил на меры по этому поводу. Он не находил время оставить приемную дворца хотя бы на время, каждую минуту кого-то принимал, уходил один, приходил другой. Будто бы все поручения уже были даны. Но возникали новые вопросы, из них всплывали другие. Он отзывал в Самарканд гонцов, купцов и дервишей, в свое время отправленных во все концы царства, принимал их, с каждым встречался по отдельности, задавал многочисленные вопросы, делал выводы. Все, кого он принимал, уходили из приемной с неопределенными мыслями. Потому что выводы, которые делал Великий Эмир из этих встреч, были известны лишь ему одному.

Помещение для тайных встреч находилось в дальнем уголке дворца. Это было сделано по личному указанию Эмира. Гости, которым вход во дворец через главные двери был заказан, входили через заднюю дверь, оттуда их провожали в секретную комнату. Купцов и дервишей размещали по отдельности, принимали их таким же образом. Хотя Эмир очень любил жить в шатре, который ценился им превыше дворцовых палат, принимать приглашенных во дворце было необходимо. Нужно было показывать людям свое благоволение, в то же время сообщать о том, что поход пока не начинается. Это должен был быть совсем другой поход. Ни воины, ни писари такого похода еще не видели. Это в то же время должно было считаться победным походом Ислама. Индия стала бы известной и как мусульманская страна. А, значит, его поход был богоугодным делом.

От того, что погода была морозной, слуги поставили в комнату жаровню с пылающими углями. Как только угли прогорали, жаровня заменялась другой. Таким образом в комнатах, как и в шатрах, сохранялось постоянное тепло, и тех, кто входил с холода, оно приятно оведало. Ковры, покрывавшие стены и пол комнаты, тоже были предназначены для утепления. Поверх ковров были развешены шелковые ткани разных цветов. Это придавало комнате еще большую красоту.

Купца Афшари, шедшего по коридору, также проводили в помещение через заднюю дверь. Купец, увидев развешенные на стенах и постеленные на пол ковры, застыл на месте. Это место напоминало казну ковров. Ему захотелось до них дотронуться, погладить, разглядеть изумительные рисунки. Он не мог поверить, что это чудо создано руками человека. Ни в одной стране он не видел таких ковров. Эти были очень богатыми и дорогими. Сел, пришел

в себя и украдкой провел по ковру рукой. Да, эти места были очень богатыми. Однако здесь вовсе не считалось легким делом сохранить голову на плечах. Осторожность не помешала бы. Одно неосторожное или не к месту сказанное слово могло привести к тому, что через ворота дворца голову и тело могли вынести по отдельности. Когда его взор насытился увиденным, он обернулся к жаровне с углями и неожиданно услышал за собой шорох. Обернулся. Угол ковра на одной из стен отогнулся и, волоча ногу, в комнату вошел Тамерлан. Ковер беззвучно лег на место. Купец Афшар застыл от увиденного: слишком уж неожиданно появился Эмир.

Звонкий голос Эмира вдруг изменил атмосферу комнаты.

– Ну что, пришел?

От голоса Эмира купец вздрогнул. Моментально вскочив, упал к ногам правителя.

– Пришел, мой повелитель. Причем с хорошими новостями.

– Встань, садись! – властно приказал Тамерлан, а сам, присев на подушки в углу, подтянул под себя левую ногу, вытянул правую и устроился поудобнее.

– Какие вести из Дели? Письмо мое передал Султан Махмуду?

Купец Афшар сел напротив, но ответил, не поднимая головы:

– Передал, мой правитель. Правда, расходы были большие. В их дворце ничего нельзя делать без денег, золота, сплошная торговля.

Тамерлан в душе посмеялся над хитростью купца. «Ах, ты, старый волк! Хочешь то, что потратил там, вдвойне заработать здесь. Ну, если новость хорошая, почему бы и не заработать. Если во дворце все берут, все дают, то что творится в стране? Такое государство долго не проживет!».

– Ответ на письмо дали?

– Нет, мой правитель, султан на ваше славное письмо не пожелал ответить. Прошу прощения, мой правитель, эти негодяи даже намекнули, что не боятся воевать с «хромой».

Купец Афшар, произнося эту фразу, преследовал некую цель. Все знали, что правителю не нравится прозвище. Намекая на его физический недостаток, кто-то говорил «хромой», кто-то «ленг». Из-за этого прозвища полетело немало голов. Тех, кто использовал его, обязательно находили, задерживали, наказывали. Однако, фраза произнесенная купцом со слов султана, должна была еще более усилить решительность правителя, ускорило бы поход в Индию. А во время похода во главе купеческих караванов стал бы купец Афшар. Потому что лучше него Индию не знал никто.

Сейчас на лице Тамерлана от слова «хромой» не дрогнул ни один мускул. В таких случаях он сначала проявлял терпение, обуздывал нервы, становился хладнокровным. И сейчас голос его был спокойным, взгляд невыразительным.

– Каково положение султана?

Купец был изумлен хладнокровием правителя. Не успел ответить, как в зеленую дверь комнаты постучали. После громкого «Войдите!» дверь открылась. Двое слуг внесли горящую жаровню, убрали старую, которая уже должна была погаснуть, и тихо вышли. И только после этого купец ответил.

– Положение очень тяжелое, мой правитель. От бывшего великолепия Дели ничего не осталось. В отличие от Махмуда Газневи, во времена Махмуд шаха Второго все разваливается. Четыре года назад Данпур, два года назад Гуджерат отделились от Дели. А еще ранее стали независимыми Декан и Бенгали.

– А разве окружение Махмуд шаха не хочет выйти из этого положения? Даже у слабого правителя бывают умные визири, – сказал Тамерлан, вытянул из-под себя левую ногу и протянул вперед.

Купец ждал этого вопроса.

– Во дворце есть один умный, но взяточник визирь. Зовут его Малу Игбалхан. Он имеет на султана такое влияние, что тот делает все, что ему скажет визирь. Народ от него устал. В то

время как людям есть нечего, поговаривают, что визирь и его окружение катаются как сыр в масле, купаются в золоте и алмазах.

Купец еще долго говорил. И хотя Тамерлан был доволен обширной информацией купца, вопросы-ответы еще не закончились. Потому что половину победы составляла собранная информация о противнике.

– Говоришь, люди умирают с голоду? Тогда откуда у них такие богатства? Если правитель, подданные которого не могут найти кусок хлеба, богат, ни его правление, ни государство не могут быть могущественными.

– Это так, мой правитель. Действительно положение народа тяжелое. А те, кто во дворце, продолжают тратить то, что осталось от Махмуда Газневи. Уже около четырехсот лет, как эти богатства не приумножаются, напротив – они уменьшаются. Дели – самый богатый город в мире. Его богатства нескончаемы. Дели – это вселенная. Его красота поражает всех. Этому городу нет равных!

Купец, говоря эти слова, не думал, что заденет самолюбие правителя.

– Красивее Самарканда? – с удивлением спросил Тамерлан.

Купец мгновенно понял, что совершил ошибку, в горле запершило, глаза выкатились из орбит: он неправильно говорил, здесь не признавали, да и не хотели признавать, что есть город красивее Самарканда. Буквально сейчас купец мог положить голову на плаху. Однако, не услышав продолжения фразы, приободрился. Значит, думал купец, Тамерлану он еще немного нужен, от него многое зависело. Но теперь надо был осторожничать. Могущественные правители никогда ничего не забывают, в частности ценят верность и покорность. Если цели Эмира были большими, его личные цели были тоже немаленькими, и он мог их и не достичь. Это было равноценно тому, чтобы вытащить из пасти змеи рубин.

– За то, что я сказал и еще скажу, пусть меня правитель простит. Я не могу скрыть от вас правду.

И купец еще более склонил голову и замолк.

Эмир понял, что хотел сказать купец.

– Ладно, пощади, говори!

– Да продлятся ваши годы, правитель! Дели такой богатый город, что никакой другой с ним не сравнится!

Произнося эти слова, купец чуть приподнял голову и увидел, как меняется выражение лица Эмира. Мышца под его левым глазом подрагивала. «Значит, слово попало в цель. Так лучше», – подумал Афшар. Тамерлан хотя внутренне был разъярен, но постарался не подать виду – ему нужна была правда. Узнать, что Дели богаче и красивее чем Самарканд и Бухара, было невыносимо. Он вспомнил одну историю, которая произошла в 1387 году в Ширазе, и усмехнулся. Афшар же, ничего не понимая, удивленно глядел на мгновенно меняющееся выражение лица правителя. Эмир, стараясь удовлетворить любопытство купца, начал рассказывать ему ту историю.

– Будучи в Ширазе, мне сказали, что здесь есть один поэт, зовут его Хафиз. Мне прочли один куплет из его стихотворения. Звучал он примерно так: «Если красивая тюркская девушка будет носить мое сердце в руках, только за ее индийскую родинку отдам Самарканд и Бухару».

Купец изумленно смотрел в рот Эмиру. Ему было интересно, куда клонит Тамерлан?

– После того, как прочли этот куплет, я разгневался, – продолжил Эмир. – Как это может быть, за одну индийскую родинку мои города кому-то подарят? Приказал, чтобы этого бездельника-поэта привели ко мне. Через некоторое время приводят ко мне человека в лохмотьях. Его даже джинн испугался бы. Я спросил его тихо, но грозно: «Это ты, которого зовут Хафиз?». «Да, мой правитель», – ответил он.

– Я своим мечом завоевал половину мира! Для того, чтобы прославить, обогатить Самарканд и Бухару, разрушил другие города и страны! Собирая с них дань, все пустил на их разви-

тие. А ты – слабый негодяй – хочешь за одну индийскую родинку отдать их кому-то! Кто тебе дал это право? Посмотри на себя, потом дари города.

Тут Эмир вдруг громко рассмеялся, потом, немного погодя, продолжил рассказ:

– Видел бы ты лицо этого бедняги! Он уже приготовился к смерти. Но... Но он не очень сильно испугался, не оробел, потихоньку пришел в себя. Ты знаешь, что он мне ответил?

Купец Афшар немного поерзал на месте, потом с чрезмерной заинтересованностью спросил:

– Что, мой правитель?

– Сказал: «Правитель, причиной моей бедности стала большая расточительность. Поэтому, – поэт показал на свой халат, – я сегодня в таком положении». Я за этот ответ наградил его новым халатом и отпустил.

Эмир, произнеся эти слова, вновь рассмеялся. Купец присоединился к нему. Однако Эмир внезапно остановился. На лице вновь появилась жесткость, в раскосых глазах появился гнев.

– Теперь посмотрим, будет ли твой Дели величественнее Самарканда и Бухары? Готовься, поедешь еще раз и согласишься.

Это говорило о том, что разговор окончен, Индия будет разгромлена. Купцу Афшару именно это и было нужно. Встал, поклонился, попросил у Тамерлана разрешения удалиться. Тамерлан кивком головы разрешил. Однако, только он хотел выйти, голос Эмира остановил его:

– Пусть караваны ваших купцов пройдут через Герат. К нам присоединитесь в Мутлане. Из казны возьми вдвойне за то, что ты потратил в Индии.

Купец Афшар возрадовался. Потому что в пути он и так заработал вдвое больше, чем потратил. И теперь заработал вдвойне. И, как мечтал, возглавит купеческие караваны.

– Да будете вы всегда над нами с позволения Аллаха, правитель! Если бы не вы, разбойники нас, купцов, давно убили бы в горах и ущельях.

Купец подошел к зеленой двери и взглянул на улыбающегося своим мыслям Великого Эмира. Казалось, он хочет угадать мысли и улыбку правителя. Но если бы о мыслях Эмира знал бы не только купец, но хотя бы один волос из бороды правителя, он тотчас вырвал бы его.

После того, как правитель принял еще несколько купцов, поговорил с ними, в келью вошел купец Агбаба. Они несколько раз встречались в Ширване, в Азербайджане. Прекрасно друг друга понимали, не искали сложностей. Хорошим качеством купца было и то, что он не был алчным. Такие люди не могли быть предателями.

Когда Агбаба вошел вовнутрь, на лице Тамерлана появилась улыбка.

– А-а, старый друг, проходи, садись, – указав на подушки, произнес Тамерлан.

Купец вначале поклонился, поцеловав место ближе к ногам правителя, произнес несколько слов во славу Тамерлана и только потом сел на указанное место. Согласно приличию опустил голову, чуть съехался в ожидании того, скажет ли правитель что-либо или задаст вопрос.

– Ты привез то, что просил?

Купец Агбаба чуть выпрямился.

– Да продлятся годы правителя! Эй, покровитель всего мусульманского мира, оставайтесь всегда на высоте! Привез и все сдал. И деньги мне заплатили с лихвой.

– Хорошо, очень хорошо! – Эмир в задумчивости медленно произнес: – Как дорога? Разбойники больше не беспокоят, караваны не трогают?

Правитель прекрасно знал, что правитель племени Гарагойунлу Черный Юсиф, избравший Диярбекир в Анатолии своей столицей, не пропускает без внимания ни один караван и по возможности грабит их. Когда нарушались установленные Тамерланом законы, это выводило его из себя, его нервы натягивались как струны. Купцы в иерархии империи занимали

одно из ведущих мест. Караваны и гонцы должны были работать четко, а все обязаны были им помогать. Это знали все. Даже однажды Мираншах, проходя через какой-то пункт, встретился с гонцом, который попросил у него коня. Мираншах молча слез с коня, отдал его гонцу. Несмотря на то, что Мираншаху несколько раз поручалось схватить Черного Юсифа и казнить его, это пока не удавалось, а заняться этим самому было недосуг. Агбаба знал, что делать. В такие минуты он понимал, что надо сказать.

– О, правитель, благодаря вашим заботам разбойники караваны не трогают. Правда, я слышал, что в Анатолии Черный Юсиф грабит караваны, но как только слышит об армии Великого Эмира, сразу прячется. Но как только войска уходит, он вновь появляется. Бойтесь вас... Страшится.

Кажется, купец зацепил больное место правителя. Эмир глубоко вздохнул. Лицо передернуло конвульсия.

– Знаю. Но пока я занят другим, руки не дотягиваются. Придет время, за все деяния спрошу с Черного Юсифа и Султан Ахмеда. – Султан Ахмед был последним представителем хулаки из династии джаларидов. Когда Великий Эмир вошел в Азербайджан, Черный Юсиф присоединился к нему и воевал на его стороне.

– Как дела в Ширване? Шейх Ибрагим справляется с управлением Ширвана?

Агбаба понял, что правитель хочет сменить тему.

– Шах передает вам множество приветов, великий правитель. Все, благодаря вашим заботам, нормально. Шах просил передать, что готов сложить голову там, где ступит нога правителя. Сказал, что по велению Аллаха вы всегда были бы над нами!

Прищуренные глаза от тихой улыбки еще более зажмурились. От этого известия немного улеглось прежнее беспокойство. Устав от сидения на полу, Эмир ловко встал на ноги. Купец тоже хотел встать, но правитель движением руки остановил его. Подволакивая правую ногу, Тамерлан немного походил по комнате, потом остановился перед купцом и неожиданно коснулся темы, которой тот абсолютно не ожидал.

– У Ибрагима есть связь с хуруфитами?

Хотя вопрос был неожиданным, Агбаба хорошо знал характер Эмира. Потому как правитель стоял перед ним, он, посчитав невежливым отвечать сидя, произнес «бисмиллах», встал.

– О, правитель, после того как глава хуруфитов Наими был колесован, его мюриды рассеялись. По тому, как Ибрагим шах не пустил их в Ширван, мюриды разбрелись по всему исламскому миру. Они даже перешли на османские земли в Европе.

Тамерлан, вновь прихрамывая, стал ходить по комнате.

– Да, знаю, их вести дошли и до Самарканда, – сказал он, как бы разговаривая сам с собой. – Кстати, а где этот поэт неверных, которого они считают великим? Я о Насими говорю. Опять живет в Шемахе?

Агбаба знал, на что намекает Великий Эмир. Если он ответит утвердительно, значит, подтвердит связь шаха с хуруфитами. Значит, шах, нарушив указ Великого Эмира, дал пристанище хуруфиту. Поэтому ответил через силу.

– Нет, великий правитель, поэт Имадеддин Насими, присоединившись к дервишам, ходит по разным странам. Они бывают там, где нет вашей власти. Насими больше не появляется в Ширване.

Тамерлан, как хороший шахматист, мог просчитывать несколько ходов вперед.

– Мне сказали, что он женился и живет в Баку. Не понимаю. По законам дервишей он не может жениться! А Насими женится, оставляет семью, бродит по разным странам...

Агбаба подтвердил слова правителя.

– Да, это так Великий правитель, дервиши не женятся. Причиной женитьбы Насими является завещание Наими.

Великий Эмир остановился перед купцом.

– Что это за завещание? Почему я ничего о нем не знаю?

Купец спокойно ответил:

– Великий правитель, дело в том, что перед казнью их руководитель оставил завещание, в котором говорилось, что Насими должен жениться на его дочери. Насими, выполняя завещание, женился на дочери своего учителя. И хотя семья одно время жила в Баку, но, испугавшись ширваншаха, куда-то переехала. Где она теперь, никто не знает.

Хотя Тамерлана этот ответ не удовлетворил, он все же понял, что Шейх Ибрагим не хочет подставляться. Этот ширваншах был умным правителем. И хотя он был на стороне хуруфитов, никто этого доказать не смог бы. Он не оставлял после себя следов. Погруженный в свои мысли, Эмир ничего не сказал купцу, знаком позволив ему удалиться. Однако Агбаба, склонив голову, ждал.

– Ты что-то хочешь сказать?

– Да, Великий правитель, – сказал купец сильным голосом. – Но не решаюсь сказать. Боюсь разгневать тебя.

Тамерлан подбодрил его.

– Ладно, пощажу, говори!

– Великий правитель, – начал Агбаба, робея. – Дело в том... что несколько лет назад среди взятых в плен в Азербайджане была маленькая девочка. После долгих поисков, расспросов я нашел ее здесь, в Самарканде. Она теперь в вашем дворце.

Тамерлан с интересом взглянул на купца, лицо его посуровело, брови сдвинулись. Если весть из дворца тайно дошла до Азербайджана, значит, сидеть во дворце нежелательно, подумал он. Правду говорят, что дворцы – это центры зла, здесь можно ожидать всего.

– Кто тебе сообщил эту весть из дворца? И еще... кто она тебе, эта девушка? Говори, не бойся!

От неожиданного вопроса Агбаба побледнел. Сейчас правитель мог обвинить его в шпионаже. Надо было выходить из положения.

– Великий правитель, ты сказал: не бойся, говори.

Эмир понял, что хотел сказать купец. Если человек откажется от данного слова, ему уже доверять нельзя. Усмехнулся.

– Раз я сказал, значит, так и будет. Говори!

Купец вздохнул свободнее.

– Эта девушка – дочь моего очень близкого друга. Я дал слово, что буду ее искать повсюду. Следуя своему слову, спрашивал о ней везде, где бывал. И мне случайно сказали, что она здесь, в вашем дворце.

– Как зовут дочь твоего друга?

– У нас ее звали Лятафет, здесь ее называют Шади Мюльк.

У Тамерлана вздрогнули губы.

– Да, ты говоришь о няне Улугбека, о той, у которой глаза чисты как голубое небо.

– Так оно и есть, Великий правитель.

– Она не только любимица Улугбека, в нее влюблен и другой мой внук Халил. Так нельзя! – будто бы разговаривая сам с собой, произнес Эмир.

И хотя правитель говорил одними губами, Агбаба хорошо все понял, но предпочел промолчать. А Эмир сделал знак, что разговор окончен:

– Скажи своему другу, что его дочь в надежных руках. А сам отправляйся в Анатолию да поскорее доставь мне вести оттуда.

Агбаба, возблагодарив правителя и покорно пятаясь, вышел из помещения. Тамерлан, сжав губы, посмотрел ему вслед, задумался. Не внесет ли когда-нибудь раздор во дворец наличие одной азербайджанской красавицы? Разве мало было розни, войн из-за женщин? Сразу после завершения похода надо будет внести ясность в этот вопрос.

Проведя в тайной комнате встречи с несколькими дервишами, Эмир вышел за дверь, направился в комнату, где с вечера его ждали сейиды, священнослужители, ученые.

Проходя по коридорам, освещенным смоляными светильниками, из женской половины донесся звук. Это был женский голос. Тамерлан удивился: почему они не спят так поздно? Хотя, пока он не ложился в постель, они не имели право этого сделать. Но в то же время это не давало оснований шуметь. Придержал шаг, потом тихо подошел к их комнате. Оттуда слышался шаловливый голосок Улугбека и смех женщин. Открыл дверь, вошел в комнату. Неожиданный приход Эмира прекратил веселье, все проворно встали. Не растерялся только Улугбек. С криком «дедушка!» бросился к нему и обнял ноги Тамерлана. Погладив голову внука, правитель глазами поискал Сарай Мюльк.

– Уже поздняя ночь, почему ребенок еще не спит?

На самом деле эта фраза более всего была адресована няне Шады Мюльк. Услышав вопрос Тамерлана, она проворно подскочила к Улугбеку, взяла его за руку и дрожащим голосом сказала:

– Ага, простите меня, помилуйте! – Потом шепотом попыталась уговорить Улугбека: – Пошли! Уже поздно, спать пора.

Эмир внимательно поглядел на няню, но ничего не сказал. Не было слов, чтобы оценить эту красоту. Стоило любить такую.

Улугбек же, вырвавшись из рук няни, бросился к бабушке. Чтобы разрядить обстановку, Сарай Мюльк приказала няне:

– Ты иди, принц сегодня будет спать со мной.

Шады Мюльк молча вышла и направилась в свою комнатку.

Из конца коридора донесся необычный, тихий, похожий на шорох, звук: Лятафет резко повернулась и посмотрела в темноту сзади. Около одной из колонн виднелась тень. Она узнала ее по росту. Это был внук Эмира Халил Султан. Девушка не остановилась, но чуть придержала шаг. Отойдя от колонны, принц подошел к ней и под ярким светом светильника очень вежливо поздоровался:

– Добрый вечер, Лятафет! Я уже семь часов кручусь здесь, чтобы тебя увидеть. Совсем потерял надежду, решил, что сегодня тебя не увижу.

Лицо девушки стало пунцовым подобно цветкам персика, сердце забилося. Длинные ресницы бросали тень на щеки. Жар лица заставил трепетать все тело.

– Почему молчишь?

– Боюсь, Халил бей, – не поднимая головы, произнесла девушка.

– Чего?

– Что нас разлучат. Недавно, в покоях Великой ханум я почувствовала, что она уже другому смотрит на меня. И дедушка ваш на меня странно посмотрел.

Халил Султан, дабы успокоить ее, взял девушку за руки.

– Нас может разлучить только смерть, разлуки не будет, даже если соединятся небо с землей. Я сказал об этом бабушке, чтобы она передала дедушке. Посмотри на меня. Разве я боюсь?

Шады Мюльк пугливым взглядом посмотрела ему в глаза. Принц, увидев ее голубые глаза, забыл обо всем на свете. Халилу показалось, что это небо и он витает в нем. Крепко-крепко сжал руки девушки.

– Клянусь Аллахом, что хотя бы на один день я сделаю тебя первой ханум в этом мире!

Девушка покраснела еще больше. Вырвавшись из рук Халила, убежала в сторону своей комнатки...

... Настоящая же ханум в это время приказывала другим женам Эмира:

– С вашего позволения мне нужно Великому Эмиру сказать несколько слов. Тюкель ханум, вы уложите Улугбека в моей комнате. Я приду чуть позже.

Женам хотя и не понравилось то, что первая ханум при Эмире ими командует, тем не менее они вышли и разошлись по своим покоям. Тюкель ханум взяла за руку упирающегося Улугбека и буквально потащила его за собой.

После того, как все разошлись, Эмир спросил:

– Что случилось? Что ты мне хотела сказать?

– Я дала обет, когда ты начнешь поход, построить мечеть, – не раздумывая, сказала Сарай Мюльк, – такую мечеть, чтобы при ней была медресе, и в то же время чтобы там могли совершать намаз несколько тысяч человек одновременно.

Эмир краем глаза посмотрел на нее. «Хочет всем показать свою силу. Пытается доказать свое господство не только в гареме, но и во всем Самарканде. Не страшно, вреда от этого не будет. Хочет заниматься благотворительностью, пусть занимается, почему бы и нет», – эти мысли с быстротой молнии пронесли в мозгу у Эмира, но он не озвучил их.

– Назовешь ее мечеть Бибиханум. Тебя все так называют. Да благословит твое начинание Аллах, Бибиханум. Что еще?

Эмир уловил предположения Сарай Мюльк. Данное им согласие означало то, что теперь она будет приказывать не только в гареме, но и тем некоторым, кто будет заниматься строительством. По этой причине, с трудом подавив вдруг нахлынувшее чувство радости, завела разговор о Халил Султানে.

– Я беспокоюсь о принце... Я о Халиле. Он безумно влюбился в голубоглазую пленницу. Вчера со мной поделился об этом.

– Пленница? Ты говоришь о няне-азербайджанке, которая только что была здесь?

– Да, о ней.

– На самом деле эта азербайджанская красавица нежна и мягка, – двусмысленно произнес Эмир, поглядывая на жену.

Первая ханум не обратила внимания на эту реплику Эмира.

– Она и Халил тайно вступили в брак. Между ними стоит вопрос обязательств. Они поклялись, что если кто-то станет на пути их любви, покончить с собой. Что делать, мой господин?

Великий Эмир был осведомлен об этой любви. Но не знал, что все зашло так далеко. Это уже становилось очагом раздоров. Причем прямо в его дворце. В одно мгновение ярость охватила его, левый глаз вновь стал дергаться. Для него после Аллаха самыми близкими были семья, сыновья и дочери, внуки. Если с ними что-то случалось, Тамерлан несколько дней не мог прийти в себя, мучился. Когда он услышал о том, что Халил может наложить на себя руки, внутри Эмира будто что-то оборвалось. Внук его был очень упрямым человеком. Не отставал, пока не добьется своего. Однако, то, что он хочет сейчас, ему давать нельзя, но и нельзя было слишком обострять вопрос. Он не видел другого пути, как постепенно сделать так, чтобы Халил забыл девушку. Спокойным голосом дал указания жене:

– Ты поступи следующим образом. Улугбека отдали от няни и дворца. Девушку отправь к одному из ремесленников, пусть удочерит ее. Халила же я возьму с собой в поход. Война меняет человека, делает его жестче. Я думаю, Халил тоже станет таким. Его нельзя и дня держать в Самарканде. Бойся того, что останется здесь и станет поэтом! Но... Но все, что я сказал, сделаешь после того, как я уйду в поход. Понятно?

– Конечно, понятно. Вы хорошо придумали, – сказала Сарай Мюльк, хотя смысла поручения так и не осознала. И хотя она ответила таким образом, когда Эмир повернувшись выходил из комнаты, ее озарила неожиданная мысль: значит, правдой было то, что правитель не возьмет ее в поход...

***

Люстры на стенах и подсвечники, установленные на колоннах в двух зира от пола, достаточно хорошо освещали приемную. Чуть выше, в одном зира от пола был установлен трон

правителя. На шерстяных коврах слева и справа от трона были разложены подушки. В комнате было достаточно тепло, так что мороз за стенами не чувствовался. Сегодня нужно было принять последнее решение по походу. Наряду с сейидами, религиозными деятелями, учеными на совет были приглашены сын Эмира Шахрухи, правитель областей Гундуз, Кабул, Газневи и Кандагар Пир Мухаммади, полководец Тамерлан Ходжа Аг Бугани, из сейидов устэд Сейид Берке и Хаджи Бугани, бухарские ученые и другие. На самом деле этот поход Эмир намечал на Китай. После того, как он породнился с моголами, его армия часто появлялась на границе с Китаем. Год назад посланники Китая были в Самарканде, но во дворце с сорока замками так и ничего для себя не узнав, безнадежно отправились восвояси. Также в начале прошлого года отправляя на границу с моголами принца Мухаммеда Султана в те края для управления, дал ему сорокатысячную армию под руководством известных полководцев, в том числе Сары Бугани, Хаджи Сейфеддина.

Мухаммед Султан построил в Ашпаре крепость, для подготовки к войне организовал посеи, заложил сады, собирал все необходимое для этих целей.

В последний момент Тамерлан отказался от похода в Китай. Вести из Дели переменили его решение. Султанат Дели нынче был слаб как никогда. Для него все было ясно – поход будет на юг. По сей день ни один поход не был похож на джихад. И именно это обосновывало этот поход. Надо было по этому поводу издать фетву.

Когда Великий Эмир вошел в комнату Совета, раздался зычный голос управляющего Советом:

– Уважаемые, правитель четырех сторон света, Великий Эмир!

Присутствующие в зале молча, почтительно преклонили колена. Остался стоять только устэд Сейид Берке. Тамерлан не позволял ему преклонять перед ним колени. Волоча ногу, прошел к своему трону. Сел, вытянул искалеченную ногу.

Священнослужители во главе с Сейидом Берке сели справа, а сын Шахрух, Пир Мухаммед, другие полководцы – слева. Тамерлан внимательно посмотрел на устада. Вспомнилось сражение с войсками Тохтамыша под Гундузом в 1391 году... В один момент он почувствовал, что его армия проигрывает. Если бы все продолжилось таким образом, армия развалилась бы. Тохтамыш желал именно этого, нанося удары. Тогда он в смятении сказал подошедшему Берке: «Смотри, Сейид, армия разваливается!». Берке, сказав «Не бойся!», слез с коня, набрал горсть песка, прочитал над ним молитву и рассыпал в сторону противника. С криком «враг бежит!», направил коня в сторону татар. Тамерлан, увидев эти действия, все понял, и тоже с возгласом «враг бежит!» поскакал за Берке. Воины, услышав эти крики, воодушевились и с уверенностью бросились в бой, нанеся последний удар по Тохтамышу. После этого на всех собраниях Эмир сажал устада на самом почетном месте.

Потом Тамерлан посмотрел на сидящих справа от Сейида Хаджи Беязида и молване Абдулджаббара. И с ним знакомство было довольно странным. Когда весть о Гаджи Беязиде, считавшимся родственником Шейха Ясеви, дошла до него, он решил навестить их святое место. По дороге раздумывал: если это святилище действительно сильное, его владелец должен знать, что на душе у Тамерлана. И поэтому в душе пожелал свежеприготовленную халву. После приветственных ритуалов Хаджи Беязид произнес «Вначале салам, посреди еда, в конце слово» и угостил Тамерлана именно свежеприготовленной халвой. С того дня у Тамерлана один к ста возросла вера в достоинства хаджи. Тамерлан по очереди смотрел на сидящих в зале. Многие были старыми соратниками. С этими полководцами он завоевал почти полмира. И можно было завоевать остальную половину.

Наконец молчание нарушил сам Эмир.

– Уважаемые, цель вашего приглашения сюда заключается в том, чтобы дать ход началу святого дела, – Тамерлан еще раз осмотрел сидящих и не спеша продолжил. – На сей раз хочу поход посвятить джихаду. Мы должны сделать большой подарок Исламу. То, что в наше время

большая часть людей занимается идолопоклонничеством, исповедует многобожие, может считаться нашим недостатком. Как мы на том свете будем смотреть в лицо пророка? Правда, теми странами гяуров управляют тюркские мусульмане. Однако в тех местах так много гяуров, огнепоклонников, буддистов и им подобным, что мусульмане-правители ограничиваются лишь сбором дани. Тюрки-мусульмане, поднявшие ввысь знамя Ислама, теперь беспомощны перед ними! Может, меч тюрка притупился? В наше время нельзя допустить, чтобы в историю попало такое мнение! К тому же эта страна находится неподалеку от нас! Я говорю про Индию, – Тамерлан сделал упор на название страны. – По полученной информации в Дели об этом и думать не хотят. В прошлом султаны и падишахи, несмотря на всю мощь и силы свои, гяурам тоже оставляли большие возможности для претензий на государственность и власть. Естественно, идолы им не помогали, но идолопоклонники всегда неустанно воевали с теми, кто против них. И я не могу понять, как мусульмане, к которым Аллах всегда благоволит, могут привести гяуров к власти? Разве может быть такое мусульманство? Разве приемлема хотя бы небольшая прибыль от неверующего? Теперь, когда Аллах благоволит нам, наша важнейшая задача очистить исламский мир от этой нечисти! Мы должны поднять знамя Ислама выше религии гяуров!

Тамерлан завершил речь, искоса посмотрел на религиозных деятелей. Казалось, у всех пересохло горло. Только уstad, довольно покачивая головой, поглаживал бороду. Остальные буквально боялись дышать. Молчание вновь нарушил Тамерлан.

– Я бы хотел, чтобы наши уважаемые священнослужители высказались по этому поводу, дали свою фетву. Может, я ошибаюсь?

Слова попросил доселе с почтением слушавший Сейид Берке. Встав, сперва посмотрел на правителя, потом обернулся к сидящим священнослужителям:

– О, Великий правитель, пусть Аллах поможет, чтобы вы всегда были над нами! Аминь! Если вы объявляете джихад гяурам, поверьте, вы поднялись на ступень шехида. Разве я не прав, о благочестивые?

Священнослужители ответили хором:

– Абсолютно верно, почтеннейший.

Сейид Берке в знак согласия склонил голову и продолжил:

– В этом плане в Коране есть аят. В нем говорится: «Люди, боритесь с гяурами. Знайте, что Аллах в этой борьбе всегда с вами». Эй, великий правитель, если в Коране, являющемся основой нашей религии, джихад приравнивается к шехидству, кто мы, чтобы это не понять, комментировать, идти против. Клянусь Великим Создателем! Если бы я не был в этом возрасте, с мечом в руках пошел бы с вами. Да покарает Аллах гяуров огненными стрелами и острым мечом Великого Эмира! Пусть путь ваш будет открытым! Джихад! Джихад! Джихад!

Сидящие поддержали Берке, крича «джихад».

Эмир остался доволен выступлением уstadа.

– Уstad, нет необходимости, чтобы ты брал в руки меч. Достаточно чьего-то «ура» и чьей-то молитвы.

Из священнослужителей больше никто не выразил желания выступить. Говорить после Сейида Берке все равно, что броситься в огонь. Тамерлан, довольный речью уstadа, посмотрел на тех, кто сидел слева. «Посмотрим, что скажут те, кто хочет занять прибыль».

– Теперь я хотел бы выслушать уважаемых полководцев.

И Эмир вперился взглядом в Тагая Буга Барласа. Полководец встал, поклонился Тамерлану. Правда, сперва проявил нерешительность.

– Великий Эмир! Какое решение вы примете, так и будет! Но... Сколько лет я бывал там, куда указывала ваша рука. Но... если вы хотите знать мое мнение как полководца, я против этого похода.

Тамерлан не ожидал такой позиции. Нервно поерзал на месте.

– Почему? – с интересом, но в то же время с удивлением спросил он.

– Дело в том, мой правитель, что путь в те места проходит через непроходимые скалы, густые леса, степи, полные змей, там жуткие холода и дикий зной. Боюсь, пока мы дойдем до Дели, наша армия без боев и сражений погибнет. И еще говорят, что там такие огромные безобразные слоны, что у людей при их виде сердца разрываются. Если хотите знать мое мнение, я за поход на восток. Китай более предпочтителен.

Великий Эмир встал, подошел к полководцу, встал лицом к лицу. Все тут же проворно встали. Спокойно, но жестко, растягивая слова, Тамерлан разъяснил Тагаю Буга кое-какие моменты.

– Баркук себя в Каире считает халифом, его называют защитником религии. Султан Беязид назвал себя «мечом религии». А что мы сделали для религии? Имя нельзя самому присвоить, его надо заработать! Разве походом в страну гяуров мы не перевесим чашу весов? Пусть меч наш будет недозволенным, если мы не сможем написать высшую историю!

Сказал и пошел к своему трону. Сел и только потом разрешил сесть остальным. Только Пир Мухаммед Султан остался стоять.

– Кажется, мой любимый внук хочет высказать свое мнение.

– Да это так, Великий правитель, – сказал принц. – Я не могу понять трусость некоторых присутствующих здесь. Кто-то боится слонов, гор, камней. Вся Индия полна золота и драгоценных камней. На семнадцати рудниках они добывают золото, серебро, рубины, железо и многое другое. Там выращивают сахарный тростник. Там есть душистые растения. Эта страна вечно-зеленая. Хороший климат. От того, что большая часть населения там исповедует многобожие и идолопоклонничество, наше право согласно приказам Аллаха и пророка захватить эти земли.

Высказав свои мысли бурно и на одном дыхании, Пир Мухаммед замолчал. Хотя и скомкано, но сказал немало. Эмир слушал его внимательно, внутренне гордясь внуком, думал про себя, что именно таким и должен быть полководец. Прежде чем осуществлять наступление, нужно собрать побольше информации о тех местах, это одно из главных условий. Пир Мухаммед хорошо изучил Индию. Если бы был жив его отец Джахангир, сейчас гордился бы сыном.

– Кто еще хочет выступить?

После этого вопроса встал Шахрух и поклонился правителю:

– С позволения Великого Эмира я бы хотел сказать пару слов. – Эмир в знак согласия кивнул головой. – Индия страна богатая, какой султан ее захватит, он становится хозяином четырех сторон света. Если под руководством Великого Эмира мы захватим Индию и очистим ее от гяуров, значит, станем владельцами огромных территорий. Разве имеем мы право от этого отказываться? Мне кажется, нет! Джихад!

Довольный выступлением сына, Тамерлан радостно улыбнулся. После выступления сына Тамерлан не стал давать никому слова, приняв решение закончить заседание совета.

– Хотя во многих регионах Индии соблюдают каноны Ислама, на большей части страны живут идолопоклонники. Султаны Дели значительно ослабили защиту Ислама. Мусульмане-правители ограничиваются лишь сбором налогов у гяуров! В Коране говорится, что человек достигает чести и славы только в борьбе с врагами религии. Пророк Мухаммед, царство ему небесное, – Эмир провел ладонью по лицу, читая молитву «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его», – считает также. Если мусульмане погибают в боях за веру, они попадают в рай. Теперь империи Персии и Турана под нашим владычеством. Весь мир с волнением следит за каждым нашим небольшим шагом. Судьба предоставила нам хорошую возможность. Если мы сегодня выйдем в поход, потерь будет меньше, победа ближе. Теперь их армия очень слаба. Аллах Великий все сделал так, как нужно нам. Упустить такую возможность могут только дураки. Поэтому армия будет двигаться не на восток, а на юг. Захват Индии сделает наш путь в Китай более коротким и победным. Победа над Индией также станет заупокойной для Китая. Я учел все тонкости! У нас нет другого пути кроме достижения победы! Индия со всей своей

неопрятностью и бесправием откроет нам свои ворота! Это наш богоугодный и благоверный поход! Аллаху-Акбар!

После секундного молчания участники собрания вскочили на ноги и закричали «Аллаху-Акбар! Аллаху-Акбар!».

Глава 2

Неподалеку от Самарканда, на холмах Афрасияб (Алп Эр Тонга) сосредоточилась армия Тамерлана. Наступил вечер и довольно похолодало. Вокруг раскинутых шести тысяч шатров зажгли костры. Издали они напоминали ночных светлячков. Казалось, на холмы Афрасияб опустились звезды, а дух Алп Эр Тонга вновь возродился.

Основу армии Тамерлана составляли гаранаусы. Этот этнос, появившийся в XIII веке, в основном совершал грабительские походы в Индию. Потом он поглотил в себе и племя Барлас. Для вступления в полк не было преимуществ ни у кого. Более того, для записи в полки армии Тамерлана не имели никакого значения ни этническая принадлежность, ни династия. Армия состояла из формирований в десять, сто, тысячу и десять тысяч человек и, соответственно, ими командовали десятники, сотники, тысячники и десятитысячники.

Жалованье воинам выдавалось один раз в год. Бывало, что платили и вперед.

Оборонительный полк носил доспехи, шлемы и плетеные металлические кольчуги, вооружение состояло из легкого щита, копья и меча. Атакующие полки были вооружены арканами, мечами и саблями, луками и стрелами, тонкими пиками. Одежда воинов обязательно должна была быть чистой и опрятной.

Перед каждым боем постоянно проводились учения. Перед началом боя каждый воин четко знал свое место и что ему делать. Приказы своих командиров воины выполняли беспрекословно.

Кроме пехоты и кавалерийских подразделений в армии были инженерный полк и группы егерей для ведения боев в горных условиях.

Ранним утром Великий Эмир собирался в наступление. Вечером же, согласно обычаям дедов и отцов, должен был совершиться ритуал, сопровождавшийся заклинаниями шамана. Тамерлан хотя и был ярым мусульманином, перед наступлением собирал вокруг себя оракулов и часто брал их с собой в поход. Использовал он и молитвы, которые были в исламе и которые считались самым лучшим оружием для правовежного. Правитель всегда отдавал предпочтение своим снам, постоянно на них ссылаясь. Наряду с этим выполнял все ритуалы, берущие начало из древних тюркских обычаев. Он всегда хотел показать своим солдатам, что все религии и толкования на его стороне и благословляют его. Это приносило свои плоды, более того – воодушевляло воинов на победы.

Вокруг шатра правителя были разведены костры, вокруг которых на воткнутых флагштоках развевались знамена. Основными символами Тамерлана были знамена с серебряным драконом на черном фоне. Раньше на знаменах были другие символы. На зеленом фоне восьмиконечная звезда, внутри ее круг, а в нем сверху одно, снизу – два небольших кольца. Затем без объяснения каких-либо причин знамена были заменены. Однако это было не беспричинно. Среди знамен тоже были удачливые. Тамерлан верил в знаки и использовал их магию.

Неподалеку от воткнутых вокруг костра знамен висели прикрепленные к веткам деревьев штандарты с конскими хвостами. Над конскими хвостами виднелись высушенные волчьи головы.

Великий Эмир сидел на троне. В руке у него был символ власти – скипетр с бычьей головой на конце. Качнув скипетром, правитель дал команду начать ритуал. Главный шаман, увешанный различными костями и палочками, ударил в бубен, звучание которого стало нарастать. Через некоторое время кроме грохота бубна ничего не стало слышно. Ударяя в бубен, шаман кругами ходил вокруг костра. Сделав еще один круг, главный шаман остановился возле покрытого белым покрывалом и привязанного к столбу быка.

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей! – закричал шаман.

Окружающие ответили ему таким же возгласом.

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей, – казалось, что уносящийся ввысь возглас разбудил души тюрков, почивших на холмах.

Шаман закричал еще сильнее, затем, посмотрев на хвост быка, воскликнул:

– Эй, мой могущественный бык! Эй, могущественный конь бозгурдов! Разве я не один из могущественных быков? Я тоже возвышаюсь. Разве я не один из диких коней? Я тоже ржу громким голосом.

Прокричав это, шаман сперва заревел как бык, затем заржал как лошадь. Ударив в бубен, сделал еще один круг вокруг костра, вернувшись к быку, указал палкой на Тамерлана:

– Он выше всех создателей!

Окружающие ответили возгласами:

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей!

– Он самый способный и всемогущий!

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей...

– Всемогущий Господь создал его своими руками!

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей...

– Иди, мой дикий конь, иди! Научи его тому, что надо делать! Ты, всемогущий бык, создатель чудес земли! Иди, расскажи ему о том, что ты знаешь! Дай ему победу! Дай могущество! Дай мудрость! Дай! Дай! Дай!

Последний возглас «дай» взлетел в поднебесье.

Повторяя эти слова, шаман стал вертеться на одном месте. Скорость вращения увеличилась, полы халата шамана образовали круг. Из-за быстроты вращения шамана практически не было видно. Тем не менее слышны были звуки бубна. Окружающие, особенно молодежь, которую привлекли в наступление, раскрыв рот, внимательно смотрели на эту церемонию. Живя в мусульманской стране, им даже в голову не приходило, что кроме религиозных ритуалов может быть и подобная церемония.

Потому как это было в первый раз, напряжение росло. Даже те, кто стоял сзади и не видел церемонию, забирались в седла, чтобы краем глаза увидеть то, что же происходит у костра.

Внезапно грохот бубна прекратился. Когда полы халата вместе с костями и палка, взметнувшаяся в небо, стали вращаться в обратную сторону, главный шаман вдруг упал на землю ничком. Вокруг наступила мертвая тишина. Не было слышно ни звука, казалось, никто не дышит, даже боится сделать это. И в этот момент как будто из-под земли, где лежал шаман, раздался вой волка.

– У-у-у-у...

Даже опытные воины, ранее наблюдавшие этот обряд, присоединились к вою.

– У-у-у-у...

Вой пошел по холмам Афрасияб. Когда он прекратился, издали раздался вой настоящего волка.

– У-у-у-у... У-у-у-у...

Воины, посчитав это хорошим знаком, с энтузиазмом закричали:

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей...

Настоящий же волк еще раз завыл и замолк.

Шаман тяжело поднялся с земли, повернулся к Тамерлану, ударяя в бубен, закричал:

– Бозгурд, ответь нам! Это хороший знак! Бозгурд, зови нас в путь! В путь, путь!

На этот раз к крикам присоединился Великий Эмир.

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей... У-у-у-у... У-у-у-у...

То, что Эмир присоединился к нему, еще более воодушевило шамана. Он вытащил из мешка волчий череп, вытянул его в сторону костра, стал призывать проклятия.

– О род, мой род! Я дом своего рода, кровь серого волка, я второй конец посоха, вторая сторона меча! Я тот, кто у всех на устах. Идите, идите! Пусть на ваших врагов падет дурной глаз! Пусть враги пойдут измотанными! Я разрушу их шатры! Я проткну их носы, посажу их на цепь, сделаю их рабами! Как указал Господь, так и сделаю! Закопаю их в землю, сброшу в воду и пушу по течению! Загоню в чужие края! Я взял в руки зеленое знамя и обагрил свое оружие их кровью! Я заставлю их бляеть, как паршивую овцу! Я заставлю их пастись, как слепых баранов! Исчезни, враг, как растоптанная травинка, растай, как снег! Идите, идите! Пусть на ваших врагов падет дурной глаз!

Главный шаман, произнеся эту тираду, закрыл глаза. В этом состоянии, обвешанный палками, костями, он был похож на высохшее дерево. Помощник зачерпнул чашей из большой бочки возле костра кумыс и подал шаману. Шаман открыл глаза, взял чашу и подошел к быку. Кончиком хвоста быка помешал кумыс в чаше и, подойдя к Тамерлану, подал ему. Тамерлан почтительно взял чашу, сделал глоток. В этот момент со всех сторон раздались возгласы.

– Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей... У-у-у-у...

– Слава правителю!

– Слава Великому Эмиру!

Затем шаман, взяв у Тамерлана чашу, стал обходить полководцев. Каждый, в свою очередь, прикладывался к чаше, возвращал шаману. После завершения этого обряда вновь зазвучали карнай и бубны.

Это означало окончание церемонии, которая указывала на успех. Но настоящий успех был впереди. Стоило идти в направлении этого успеха. Тамерлан поднял кольцо в круглой оправе, усыпанной жемчугами и звездами по окружности, в сторону луны, произнес молитву, проведя ладонью по лицу.

***

В холодный мартовский день 1398 года 92-тысячная армия Тамерлана взяла направление в сторону горы Гиндукуш, называемой каменным поясом арабского мира. Цифра 92 указывала на число имен пророка Мухаммеда. Великий Эмир с первых дней понимал, что путь будет трудным. Тропы в этих вечно заснеженных горах были покрыты ледяной коркой. Это был единственный караванный путь, соединяющий Самарканд с малой Индией. Именно по этому пути двадцать восемь лет назад пошел он в Балх и провел там курултай. На подъеме движение стало еще трудней. Чем выше, тем больше была толща снега, холод пронизывал до костей, мороз и ветер обжигали лица воинов, с бороды и усов свисали льдинки. Воины с трудом стояли на ногах, с трудом продвигались вперед. Если бы в этот момент на пути появился противник, он с легкостью разбил бы армию, потому что никто не был в состоянии сопротивляться. Было принято решение сообщить об этом Эмиру. Командир группы разведки подошел к Тамерлану, на коне величественно поднимавшемуся на подъем, преклонил одно колено.

– Правитель, до перевала дорога практически непроходима. Воины не могут идти, вязнут в снегу. Полпути мы прошли только за два дня. Если так пойдет, мы все замерзнем...

Правитель посмотрел на него краем глаза. И без этой информации он прекрасно понимал, что положение тяжелое. В такой мороз провести через перевал девяносто две тысячи воинов и в два раза больше лошадей было нелегко. Но и возвращаться было нельзя. Тем самым был бы нанесен непоправимый удар по его авторитету, он бы пал в глазах полководцев и воинов. Девяносто две тысячи людей верили ему одному. Не в его привычках было возвращаться. Его ждали походы, сражения и большие победы, в которые он, несомненно, верил. Обязательно должен быть выход, если нет, надо подумать и найти. Эмир задумался, еще раз все взвесил. На некоторое время впал в задумчивость. Молча стоял и глядел на него командир разведки, ждал, что скажет. Знал, что из такого тяжелого положения выход может найти только он. Великий Эмир уже начинал понимать и верить, что впереди есть выход из положения. Вдруг в мозгу

что-то словно сверкнуло и ему все стало ясно. Улыбнувшись в бороду, спокойно посмотрел на командира разведки.

– Говоришь, воины не могут идти по снегу?

Командир подтвердил сказанное.

– А какова толщина снега?

Разведчик ничего не понял из этого вопроса.

– В два человеческих роста.

Молчание нарушил звонкий голос Тамерлана. Он уже принял конкретное решение.

– Не могут идти по снегу, пусть идут под ним!

Командир ничего не понял. С застывшим лицом, уставившись на Эмира, пытался что-либо понять. «Как это идти под снегом? Разве такое возможно?», – усиленно думал он.

Тамерлан, взглянув на побеленные инеем брови командира, бегающий взгляд, понял, что тому ничего не ясно.

– Кажется, ты не понял?

Командир разведки будто очнулся. Придя в себя, быстро ответил:

– Понял, мой правитель! – сказал, но свой же голос ему не понравился. Не хотелось обманывать Эмира. – Но, клянусь могилой отца, так ничего не понял, Великий Эмир. Разве можно ходить под снегом?

Тамерлан расхохотался. Пар изо рта, словно хохот, разошелся вокруг командира, обвеял его лицо и испарился. В то же время Тамерлан удивился тому, как при такой тупости этот мог оказаться на такой высокой должности. Потом сам себя успокоил. Если бы все могли думать как он, тогда он не был бы блестящей личностью. Лицо его посерьезнело.

– Для людей и лошадей надо сделать ходы под снегом!

До командира разведки только сейчас дошла суть идеи. Все на самом деле было очень просто. Выпрямился, стал по стойке смирно.

– Все ясно, мой правитель!

– Если ясно, поторопись, позови ко мне командира инженерного полка.

Командир разведки быстро вернулся назад. Через несколько минут командир инженерного полка подбежал к Тамерлану, склонил колено.

Тамерлан звонким, полным ярости голосом, приказал:

– Срочно прокладывайте ходы под снегом! Пусть каждый тысячник выделит для инженерного полка по тридцать самых сильных воинов! Поторопитесь!

Когда около трех тысяч воинов приступили к работе, никому из них в голову не могло прийти, что через несколько часов будет готов проход под снегом шириной в пять человек, высотой в четыре зира и длиной в две тысячи зира. Тамерлан спешил и первым вошел в проход, верх которого был из снега, а пол и стены из льда. Однако в сознании отчасти теснились другие мысли. «Надо будет научить всему этому внуков. Они должны понять, что в жизни нет тупиковых ситуаций. А если и попадает в тупик, то только в мыслях. Но если хорошо подумать, можно найти выход из любого тупика».

Ледяной проход завершился у перевала. Здесь хотя и было снега по колено, но можно было двигаться. К тому же после высоты почти в полфарсаха начался спуск. Когда Великий Эмир на перевале сел на коня, он поднял голову и взглянул на вершину, называемой Крышей мира.

Дели пока был такой крышей.

Правитель шел, чтобы покорить столицу Индии...

Когда армия достигла области Катур, солнце уже пряталось за горами, длинные тени от которых принесли с собой морозный воздух. Армия, наконец, прошла тяжелый перевал. Потерь не было. Девяносто две тысячи воинов ждали приказа одного – Великого Эмира. Правитель приказал остановиться на ночь в Эндарабе.

За короткий срок были воздвигнуты шатры, перед каждым разожжен костер. Теперь воины работали с еще большим рвением, беспрекословно выполняли приказы. Любая угроза или уклонение могли бы завершиться гибелью. Огромный лагерь, заложенный за короткий срок, напоминал оседлое поселение. Шатры походили на сельские дома, а костры – на тысячи ночных бабочек. Очень скоро дым костра смешался с запахами еды, приготовленной из баранины и конины.

Воины, полководцы, расслабив пояса, собрались вокруг костров. Вспоминая, как днем боролись с морозом, льдом, прокладывали проход, посмеивались, от тепла костров морщины на лицах разглаживались, языки развязывались. Наряду с опытными воинами, сотниками и тысячниками в армии были и молодые, неопытные. Было немало и тех, кто, сбежав от нудной суеты жизни в степи, городах, бросился на поиски приключений. А некоторых в армию забрали силой. В ходе подготовки к походу все это учитывалось. Целью же было постоянное обновление армии, прием в ряды воинов молодых вместо погибших и раненых. А для будущих походов это одновременно считалось практикой.

Бывалые воины знали, что в этом походе они заимеют несметные богатства. У Тамерлана был один неуклонный принцип: половину добычи отдавать армии. Все знали это, как знали и то, что Тамерлану покровительствует Аллах, и поэтому с удовольствием шли за ним хоть на край света.

Вокруг костров, разожженных около шатров, воздвигнутых вкруговую, сидели воины, которые, отогревшись, уже начали переговариваться, шутить друг с другом. Потом пошли интересные разговоры. Они, кстати, тоже имели характер обучения. Молодые воины внимательно слушали опытных, не желая упускать даже самые мелкие детали. Ведь это могло пригодиться и не раз спасти им жизни. Некоторые молодые воины жаловались на погоду. Но командиры отрядов их за это не упрекали. Молодому воину, всю жизнь от рождения скакавшему на лошади в степи, очень трудно было в скором времени привыкнуть к горным условиям. Один молодой воин плотно укутал тулупом спину, но от жара костра расстегнув ворот, протянул руки к огню. Потерев разгоряченные от огня ладони, приложил их к лицу, затем повернулся к пожилому воину, сидевшему рядом.

– Десятник, ты в такой холод когда-нибудь в поход отправлялся? Я никогда в жизни не видел такого снега и холода. Зараза достает до мозга костей. Я никогда не думал, что горный воздух может быть таким холодным.

Вместо десятника, улыбнувшись, ответил сидящий напротив сотник.

– Твой десятник тоже не попадал в такую ситуацию. В тех походах, в которых он участвовал, таких холодов не было. А мы, когда с Эмиром Тамерланом пошли на Тохтамыш, видели и похуже. С одной стороны холод собачий, с другой – закончившиеся запасы еды, мяса и фуража для лошадей. Если бы не острый ум правителя, мы, став жертвой холода, погибли бы.

Как и молодые воины, десятник с интересом посмотрел на сотника. До сего времени он много чего слышал от сотника, но такого не припоминал.

– Говори, сотник, говори ради Аллаха. И нам будет интересно, и время скоротаем.

Сотник обрадовался тому, что смог привлечь внимание сидящих, взял палку, поворошил угли в костре.

– Эта история случилась очень давно. Прежде чем прийти в Азербайджан, мы побывали в Исфагане, потом в Ширазе. Тогда мы взяли очень много богатств, у каждого воина было как минимум по одному рабу и пленнице. Мы думали о том, что скоро вернемся домой. Вернемся к семьям и будем проживать нажитое, кататься как сыр в масле. – Он глубоко вздохнул. – Э-э-х, правду говорят, никогда не загадывай наперед...

Один из молодых воинов проявил нетерпение.

– Что было потом сотник, не томи...

– А что могло быть? Невиданный поход. Я никогда в жизни не видел такой поход, – тяжело произнес сотник. – Дело в том, что когда мы были в Ширазе, правителю пришло известие об осаде Тохтамышем его любимого города Бухары. Правитель так разгневался на Тохтамыша, что даже самые близкие боялись показываться ему на глаза. Великий Эмир с ночи отдал приказ: оставить провизию, захваченные богатства в Ширазе, взять запасы провианта и фуража только на две недели и по два коня.

Заговорил другой молодой воин.

– А как же рабы, невольницы, богатства?

Сотник махнул рукой.

– Это был несложный вопрос. Мы все сдали специальному полку, чтобы это было доставлено в наши дома в Самарканде. Главным вопросом было то, чтобы двухмесячный переход совершить за две недели. Кони наши еле передвигались, есть уже нечего было...

Внимательно слушавший десятник удивленно присвистнул.

– Двухмесячный переход за две недели? Это же невозможно!

Сотник успокоил его.

– Если я говорю тебе за две недели, значит, за две недели. Великий Эмир не позволял никому и глаз сомкнуть. В грязь, в снег, день и ночь скакали.

– Рассказывай дальше, – сказал прежний нетерпеливый воин, став у костра.

Сотник посмотрел на стоящих воинов и удивился. Это были воины не из их шатра. Он так увлекся рассказом, что не обратил внимания на то, что вокруг костра собрались воины из других шатров. Это его еще более воодушевило.

– Дальше стало еще хуже. Тохтамыш, услышав о том, что Великий Эмир с армией подошел к Бухаре, сбежал со своей армией в степи кипчаков. Как только мы подошли к Бухаре, правитель приказал без подготовки преследовать Тохтамыша. После этого поднялся настоящий переполох. Казалось, Тохтамыш играет с нами в прятки. Мы отошли от Бухары не менее чем на сто двадцать фарсахов. Кони, уже падавшие с ног, копытами разрывая землю, ели коренья. Продовольствия у нас уже не было, кончились даже неприкосновенные запасы. С другой стороны Тохтамыш не выходил с нами на открытый бой. В свое время Великий Эмир назвал этого бесславного сыном. Разве Эмир простил бы такое предательство? Наша погоня, а его бегство не могли долго продолжаться. Каждое мгновение смерть к нам приближалась. Каждый день был риск либо замерзнуть, либо умереть с голоду. И вот в этот момент Эмир принял гениальное решение, которое могло нас спасти.

Сотник после этих слов замолчал, как бы заново переживая те мгновения. Все, затаив дыхание, ждали конца рассказа. Стало так тихо, словно кроме желтых поленьев в костре, дымка, поднимающегося от подброшенных сырых сучков, потрескивания углей вокруг ничего и никого не было. У всех дыхание как бы остановилось, а глаза вперились в сотника. А тот подбросил в огонь еще пару поленьев. Вновь заговорил прежний воин.

– Сотник, побойся Аллаха, не убивай нас!

– Да, те жуткие дни я забыть не могу. Даже сейчас от того голода, холода кости стынут. Короче, правитель издал приказ: вокруг, в радиусе примерно пяти фарсахов создать кольцо. Создали. Когда кольцо замкнулось, утром заиграли зурны, раздался звук бубнов. К обеду мы смогли сузить кольцо до трех фарсахов. Когда кольцо сужалось, мы слышали голоса диких животных – львов, волков, лис, кабанов, джейранов, газелей. Им некуда было бежать и некоторые шли на нас. Когда кольцо сузилось до трети фарсаха, Великий Эмир отдал приказ: уничтожить всех диких животных. Так и сделали. Ни одно животное, которое было в кольце из пяти фарсахов, не смогло выбраться. Мы истребили всех. И прямо здесь утолили голод мясом съедобных животных. Кроме этого заимели недельный запас мяса, получили дополнительные шкуры. – Сотник посмотрел на молодых и добавил: – Сейчас у вас нет никаких про-

блем: для вас мясо, лаваш, питье, шербет идут следом в обозе. А тогда мы готовы были съесть друг друга. Понятно? Вот такие у нас были дни!

***

Тамерлан, сидя в шатре, ушел в глубокое раздумье. Поход был очень тяжелым. Такие походы его угнетали. Теперь ему не хотелось даже играть в любимые шахматы. Для того, чтобы в шатре было тепло, сюда поставили две жаровни. Жар от них его разморил, глаза слипались. Да и усталость себя проявляла, ведь ему уже шестьдесят два. Дверью служила толстая кошма, с внутренней стороны ее закрывал тяжелый ковер. Если кто-то касался кошмы, ковер подрагивал. В истории было много покушений на правителей, когда убийца появлялся из-за ковра. Этот ковер для двери был соткан в Гяндже. Узоры ковра словно пахли цветами, от небольшого прикосновения он подрагивал, слышался мягкий хруст как от ног, идущих по свежеснеженному снегу. Это, может, другие не чувствовали, но он был очень чувствителен к этим звукам. Он мгновенно чувствовал движение ковра. Даже когда спал. Когда телохранитель или начальник охраны заходили к нему, они всегда видели его бодрствующим. Разговоры о том, что Великий Эмир никогда не спит, дошли и до него самого. Эти слухи были уместны: никто не посмел бы сойти с истинного пути.

И сейчас, услышав шелест дверного ковра, Эмир открыл глаза. В проеме сперва показалась голова, а затем и тело начальника охраны Тахмаз бека.

– Мой правитель, я не посмел бы побеспокоить вас усталого. Но дело в том, что аксакалы мусульманской общины провинции срочно хотят с вами встретиться.

Тамерлан встал, поправил одежду. Не глядя на начальника охраны, сказал:

– Ты тоже знаешь, что это может быть важным. Иначе не побеспокоил бы меня. Если в эту стужу они пришли в лагерь, значит, нуждаются в помощи. Зови.

Через некоторое время гянджинский ковер вновь прошелестел, затем в шатер по одному вошли семь аксакалов. Сперва стали в ряд. Потом, преклонив колени, приветствовали правителя. Один из аксакалов воздел ладони к небу.

– Мусульманская община Катурса приветствует тебя, о покровитель нашей веры, тень Великого Аллаха на земле, о, Великий Эмир, добро пожаловать!

Такое искреннее приветствие возрадовало Тамерлана. «Значит, и за пределами Междуречья меня считают покровителем веры. Это хорошо!», – подумал он и предложил вошедшим сесть.

– Пожалуйста, садитесь, братья мусульмане. Расскажите, что вас тревожит.

Аксакалы сели на указанные места – справа и слева на разложенные узорчатые подушки. Сам Эмир, скрестив ноги, сел на большую подушку в центре. Аксакалы, как бы сговорившись, достали четки и, перебирая, стали восхвалять Аллаха. Из первых слов аксакалов Эмир понял, что они поминают его словами дочери пророка Мухаммеда Фатмеи-Захры. Он не знал, что здесь живут шииты-джефери. Он присоединился к поминанию. Тем самым он еще более усилил искренность пришедших. Видно было, что присоединение Эмира к поминанию им понравилось, хотя вначале они этому чуть удивились. Потом самый старший из аксакалов, прежде чем начать говорить, откашлялся.

– Великий правитель, несмотря на то, что число общины растет с каждым годом, черные гяуры довели нас до отчаяния. Спасти нас может только покровитель Ислама.

Великий Эмир не совсем понял, что они хотят.

– Аксакал, говори открыто, в чем ваши трудности?

Аксакал, призадумавшись, стал перебирать четки. Люди не могли разговаривать с ним прямо, открытым текстом. Устад Сейид Берке однажды уже разъяснял это. Было бы неверным разговаривать с Великим Эмиром на языке, который используется на улице или базаре. Одно слово, сказанное не к месту, могло разгневать правителя, и сказавший мог лишиться головы, в лучшем случае он пал бы в глазах Эмира. Впрочем, и без этого говорить с эмиром открыто

не считалось хорошим тоном, это могло бы указать на бесправность правителя. Все это понимали, возражений ни у кого не было. А кто и пытался говорить высокопарно, у Эмира на это не хватало терпения. Человек должен бы научиться излагать свои мысли коротко и точно. Пророк Ислама тоже говорил «не усложняйте, упрощайте!».

– Великий правитель, ваше благоволение позволяет нам надеяться, что вы будете нашим спасителем. Ваш меч берет силы из веры, способен быстро отправить гяуров в ад.

– Аксакал, говори коротко и четко!

Эмир сдвинул брови. Кажется, это подействовало, аксакал перевел дыхание, постарался быть точным и кратким.

– Дело в том, что гяуров в Катуре в двадцать раз больше, чем нас. Эти гяуры в черных халатах обложили нас такой данью, не дают двинуться, мы работаем только на них. Забирают у нас буквально все. Дели – земля тюрков и Ислама. Мы очень удивлены тем, что на этой земле Ислама тюрки-мусульмане терпят невзгоды. Мы соблюдаем все религиозные каноны, терпим лишения, а все хорошее у гяуров.

Тамерлан решил еще более уточнить вопрос.

– А что они делают, когда вы не платите налоги?

Главный из аксакалов тяжело вздохнул.

– Великий правитель, требуя от нас большие налоги, они делают нам нехорошие предложения.

– Какие предложения?

Почувствовав в голосе Эмира суровость, аксакал, на лице которого не двинулся ни один мускул, нерешительно улыбнулся.

– Нам говорят: или платите столько-то налогов, или...

– Что или?!

– Или же вы должны принять нашу веру.

Лицо Эмира от ярости вытянулось.

– Как, веру гяуров... многобожие?!

Аксакал чуть испуганно кивнул головой.

– Да, Великий правитель! Или платить большие налоги, или принять их веру. Многие племена отказались от этих предложений, но на них направили войска, мужчин убили, молодых, девушек, женщин и детей забрали в плен.

У Тамерлана глаза горели огнем, ноздри хищно подрагивали, он тяжело засопел, губы задрожали. Он еще раз оправдал себя за то, что пошел в поход против султаната Дели.левой ладонью ударил по колену.

– Подлые! Я заставлю ваших матерей рыдать! Значит, теперь наша задача уничтожить этих гяуров. Уничтожить их! Потом мы пойдем дальше. Ладно, а где сейчас эти... в черных халатах?

– Услышав о вашем приходе, они ушли и прячутся в пещерах, Великий правитель.

Чем больше сердился Тамерлан, тем звонче становился его голос, который, словно меч, крушил все.

– В пещерах?.. Пусть! Посмотрим, кому Аллах даст покровительство! Завтра наши герои атакуют эти пещеры, камня на камне не оставят.

Аксакалы подняли руки.

– Пусть волею Аллаха Ислам всегда будет над нами!

Наутро Тамерлан оставил все свое вооружение на лугах Хуман и Яктур. Всегда мечтавший хранить как зеницу ока империю, созданную им, Тамерлан оставил здесь Шахруха. В этом он не ошибался. Если бы не было Шахруха, династия тимуридов после смерти Тамерлана осталась бы у власти не более ста лет. И лишь внук Мираншаха Бабур, сбегав от шейбанидов, заложил бы в Индии основу четырехсотлетней власти моголов. Теперь, оставляя здесь Шах-

руха, Эмир немного успокоился. А сам, с целью джихада против гяуров, отправился в горы. Внуков, детей от дочери, Рустама Мирзу и Бурхана Оглана отправил в другом направлении. Целью было дать принцам свободу в действиях, самим принимать решения в разных ситуациях. Эмир, отобрав из каждой десятки по три воина, в течение только одного дня уже достиг перевала Хавак. Там была одна разрушенная крепость. Поняв, что ему нужен перевал, дал команду восстановить крепость. А выше войска Эмира ждала смертельно опасная горная гряда под названием Кябутархан. Но Эмир никогда не боялся смотреть в глаза смерти...

После перевала Хавак положение армии стало еще более трудным. Дело шло к лету, солнце растапливало толстые слежавшиеся пласты снега, тропы стали скользкими и непроходимыми. А к вечеру, когда солнце скрывалось за горами, мороз опускался на узкие тропы, подтаявший снег превращался в лед. Днем, сколько бы не хлестали лошадей плетьюми, не держали за узду, они не могли двигаться по льду и срывались в пропасть. Не лучше было и положение воинов. Днем по колено в воде, намокшие, а вечером на холоде одежда дубела, воины по одному выходили из строя. Армия на глазах у Эмира гибла.

Тамерлан все прекрасно понимал и продолжал бороться с природой горы Гиндукуш. Это было его принципом: если решение принято, его выполнение должно быть осуществлено во что бы то ни стало. Пусть смерть, но назад пути не было. Теперь и в этих местах его называли «покровителем Ислама». Как он мог повернуть назад? Разве всем, чего достиг, он не был обязан Аллаху? А на пути Аллаха можно было пойти и на смерть. Это смогли сделать все великие, решительные пророки, его долг был таким же. Но ни один пророк не был причиной бесполезной смерти людей и животных. Какое он имел право пускать армию на ветер?

Наконец он принял решение: коней нужно вернуть назад! Оставил лишь своего коня. Передвигаться можно было только по ночам, когда тропы покрывались льдом. Из досок и кожи приказал изготовить сотни саней. Приказал двигаться при лунном свете. Те, кто наблюдал за армией сзади и сбоку, сравнивали ее с текущим огнем, лавой вулкана. Когда тропа становилась совсем непроходимой, Великий Эмир спешил, брал в руку посох и, волоча покалеченную ногу, шел пешком. А его коня сильные воины несли на руках.

Ранним утром вдруг в горах раздался крик «Стоять!». Эхо разнеслось по горам, с которых начал сходить снег. Но даже на это никто не обратил внимания. Приближенные Эмира, шедшие в середине колонны, тоже остановились. Эмир снял рукавицы, рукой почистил усы и бороду от льдинок. Поднял голову, посмотрел на вершину. В глазах потемнело. Идущий впереди десятитысячник левого фланга Шейх Арслан с несколькими тысячниками подошли к Эмиру, преклонили колена. Эмир понял цель их прихода.

– Что там впереди, кроме гор? Что-нибудь видно? – спросил он немного игриво и добавив как бы в шутку. – Еще не замерзли?

Его игривость перешла и к Арслану.

– Нет, не замерзли, правитель. Поход во имя Ислама согревает наши души. Но, разведка доставила известие.

Тамерлан потер замерзшие руки.

– Ну вот, это другое дело. Если за несколько дней от разведки есть первое известие, значит, гяуры где-то рядом.

Шейх Арслан поразился логике Эмира.

– Так оно и есть, мой правитель. Выше уже нет жизни. Гяуры внизу. – Шейх Арслан показал рукой на долину.

Великий Эмир подошел к обрыву, посмотрел туда, куда указывал Шейх Арслан. Вначале ничего не увидел. Восходящее солнце слепило в глаза, и он прикрыл их ладонью. Сперва он увидел извивающуюся, отливающую в солнечных лучах серебром реку. Потом уже чуть подальше увидел дым, струившийся из дымоходов.

– Наконец мы достигли места, где живут гяуры. Сколько нам еще идти туда?

Шейх Арслан ответил мгновенно:

– Если продолжить путь по этой же дороге, после перевала три дня пути.

Тамерлан скривил губы.

– Много. Я так понимаю, что до того места, которое уже под нашими ногами, мы доберемся за пять дней. Эти извилистые горные тропы совсем надоели! – Вдруг задумался и вновь посмотрел вниз. – Говоришь, другого, более короткого пути нет?

Шейх Арслан вдруг понял, что хотел сказать Эмир. Великий правитель имел привычку принимать неожиданные и нестандартные решения. Вот и сейчас он намеревался предложить что-то из ряда вон выходящее. Это пришло ему в голову сию секунду. Правитель будто читал их мысли. Невозможно было ничего от него скрыть. Арслан со страхом посмотрел вниз.

– Это опасно, мой правитель. Мы можем потерять своих людей. А в первую очередь опасности будет подвержена ваша жизнь.

Но Великий Эмир уже принял решение.

– Начальника инженерного полка ко мне!

Приказ пошел по цепочке: «Командира инженерного полка требует правитель!».

Через некоторое время командир полка, тяжело дыша, подбежал к Тамерлану. От того, что торопился, он несколько раз падал на льду, одежда была в снегу, щеки красными.

Эмир, не дожидаясь его поклона, спросил, показывая вниз:

– Видишь этот обрыв?

Командир полка, чтобы прийти в себя, глубоко вздохнул.

– Да, мой правитель.

– А вон ту реку? – Эмир внимательно посмотрел в глаза командира. От этого взгляда тот растерялся, задрожал.

– Вижу, правитель.

– У тебя всего пять часов, чтобы мы спустились вниз. Все должны спуститься отсюда. Как? Вот это уже твое дело.

Командир удивленно посмотрел на Эмира.

– Даже вы? Это очень опасно, мой правитель.

– Даже я! Если бы мои воины и я имели чувство страха, то зачем мы здесь, в горах? Мы боимся лишь Аллаха!

В течение непродолжительного времени место, где они стояли, превратилось в строительную площадку. Круглые кольца специальными гвоздями вбивались в камень, потом через кольца продевались веревки и сбрасывались вниз. Воины, взвалив на спину оружие, спускались по веревкам до следующего уступа, там операция повторялась заново. Сиденье, приготовленное для Эмира, с четырех сторон было снабжено роликами. Прежде чем спустить сиденье, воины инженерного полка подготовили небольшую площадку. Таким методом, повторяя операцию пять раз, спустили Эмира вниз. Все необходимое тыловое оборудование спустили таким же образом. Коня Тамерлана аккуратно обвязали веревками. Бедное животное в таком положении постоянно вздрагивало...

У гяуров в черных халатах была большая крепость. Начальника крепости на местном языке называли «гудашув». Каждое утро он совершал обход крепости, оглядывал окрестности, давал указания, спускался вниз. За крепостью была высокая гора, в которой гяуры пробили много пещер. Как только возникала опасность, все прятались в этих пещерах. В нижней части крепости протекала бурная река.

Начальник крепости по привычке сделал обход, потом спросил охранников:

– Кажется, этой ночью было очень холодно?

Один из охранников покачал головой.

– Да, было так холодно, что больно было глаза открыть. До утра мы пытались отогреться у печи в башенной комнате. Поворачивались к огню лицом, стыла спина, грели спину, стыло лицо.

Гудашув промолчал, хоть это ему и не понравилось, и посмотрел вниз по течению реки. И глазам своим не поверил. Хоть и было далеко, но он увидел у излучины реки большое скопление людей. Это не могли быть его люди.

– Утром кто-нибудь выходил за ворота? – взволнованно спросил он.

Охранник покачал головой.

– Нет, мы даже ворота не открывали. А что?

Начальник крепости, задрав голову, смотрел на почти невидимые серые скалы. На них чувствовалось движение, какие-то пятнышки, которые спускались вниз. Спину начальника прошиб холодный пот.

Вчера ему сообщили, что Великий Эмир собирается сюда. Из слов гонца выходило, что Великий Эмир дойдет до крепости лишь за пять-шесть дней. Чернохалатники, воспользовавшись этим, готовили снежные бомбы. Но, кажется, было уже поздно. Он с трудом сглотнул, от волнения у него задрожали губы.

– Объявляйте тревогу! Торопитесь, на нас идет сам сатана! Быстрее, шевелитесь!

Охранники, хотя и не поняли, что хотел сказать начальник, но решили, что случится нечто страшное. Один из них, сбегав в башенную комнату, принес бубен. Из бубна вырвались глухие звуки. Потом, еще, еще, еще... Население, услышав грохот бубна, поспешно собралось на крепостной площади. От того, что все были в черных халатах, площадь через некоторое время окрасилась в черный цвет. Начальник крепости, увидев, что на площади достаточно народа, поднял руку. Бубен замолк.

– Люди! – крикнул он. – Армия сатаны, спустившись со скал по веревкам, идет на нас! Крепость к обороне не готова. Берите все необходимое, уходите в пещеры. Они неприступны. Если они придут туда, найдут свою погибель. Никто лучше нас не знает эти пещеры, эти горы. Торопитесь, смерть идет к нам! Торопитесь!

Потому как приказ начальника крепости был законом для чернохалатников, они не стали задавать вопросов и молча, торопясь, разошлись по домам. Через некоторое время поток людей черной лентой стал уходить в горы. Впереди шли женщины и дети, сзади мужчины гнали скот. С кадками на головах, узелками в руках шли женщины, за длинные юбки некоторых, боясь упасть, крепко держались маленькие дети. Было взято все необходимое для жизни. Скот гнали на тайный склон горы, который ни с одной стороны не охранялся. Если бы не было предательства, этот склон так и остался бы нераскрытым вместе со скотом. Мужчины были в панике, дети в страхе, и только женщины выглядели относительно спокойными. Их пока было кому защищать.

...После того, как Тамерлан спустился с горы и построил в шеренги армию, со стороны крепости послышались глухие звуки бубна. Он не придал этому особого значения. Бубен звучал, по-видимому, для защиты крепости. Однако, когда армия подошла к крепости, все увидели широко распахнутые ворота. Невозможно было поверить, что в этой небольшой крепости жили десятки тысяч человек. Дома как соты, стояли друг над другом, некоторые были выдолблены в скале, уходили вверх. В тесных комнатенках, скорее всего, жили по семь-восемь семей. Многие дома были построены из саманного кирпича и лишь стены крепости были воздвигнуты из монолитных обломков скал. Вначале никого не было видно. Потом выяснилось, что этот город-крепость абсолютно пуст. Люди в черных халатах привязали к столбу на главной площади хромую козу. Естественно это имело оскорбительный намек на хромоту Тамерлана, дескать «стадом управляет хромой козел».

Эмир не прошел в крепость. Если ворота были распахнуты, значит, население, прознав о противнике, ушло в горы. Воины, обойдя всю крепость и не найдя ничего интересного, вер-

нулись назад злые. В крепости они увидели лишь мечущегося на привязи козла. Однако никто от страха не стал сообщать об этом эмиру. Воин, принесший такую весть, мог лишиться головы за неуважение. Глашатай Али Султан с небольшой группой вышел из крепости и подошел к Тамерлану, который в это время сидел и играл в шахматы, пытаясь успокоить нервы. Увидев подходившего Али Султана, поднял голову. Глашатай, преклонив колени, отвесил поклон.

– В крепости нет ни одного живого существа, мой правитель!

В этот момент с крепостной площади послышалось козлиное блеяние.

Эмир резко повернулся в сторону звука.

– А говорил, что нет ни одного живого существа. Не услышали голос человека, а животного – вот он.

Али Султан опустил голову и тихо произнес:

– Это так, правитель, на крепостной площади остался лишь один козел. – Глашатай испугался сказать «хромой». – Наверное, в спешке отстал от стада. Сейчас дам команду, заставят замолчать.

Эмир, помахав рукой, немного приветливо возразил:

– Нет, нет, одного козла можно считать стадом. Сегодня один, завтра их будет два, потом четыре. Еще через некоторое время их будет десять. Очнешься – и ты уже богач. – Потом посерьезнел. – Идите и приведите козла сюда! Что-то мне подсказывает, что в этом козле есть некая мудрость. Гяуры не так богаты, чтобы в каждой ложине терять по животному. Это можно видеть и по их жилищам.

Один из охранников припустился бежать на площадь. Спустя некоторое время, когда он вышел из крепостных ворот, погоня козла, Тамерлан увидел, что животное хромает. Он сразу понял намек. Сперва его лицо конвульсивно дернулось. Но он не мог перед армией себя унижить. Потом воины начали бы рассказывать об этом в родных краях, причем каждый будет добавлять что-то свое, делая из этой истории нечто смешное. Этот эпизод попадет в историю, сохранится в памяти на тысячи лет. Люди больше будут говорить об этом, нежели о его героических делах. Потому что именно такие ситуации в отличие от героизма лучше запечатлеваются в памяти людей.

Все смотрели на это зрелище, затаив дыхание, со страхом.

Вдруг Тамерлан неожиданно для всех громко расхохотался. Однако никто не рискнул присоединиться к смеху. Неизвестно было, чему смеялся Эмир. Может, тем самым он хотел выявить тех, кто над ним смеется? Потом, взяв себя в руки, также резко оборвал смех.

– Враги меня называют по-разному: Хромой Тамерлан, Тамерланленг... Однако это меня абсолютно не заботит. Я поднялся на эту высоту только благодаря Аллаху. Если бы ему не было угодно, он бы не возложил на меня ответственность за тюрко-исламское объединение. – И показал пальцем на козла. – Даже из-за этого хромого козла я не считаю себя оскорбленным. Эта живность создана Аллахом. И его создал Аллах, и меня, и вас, всю вселенную. «Боритесь с теми, кто не признает то, что я един», – говорит Аллах. Поэтому мы должны до конца биться с гяурами либо заставить их принять Ислам. Я приказываю вам, мои беки, храбрецы, богатыри, со всех сторон поднимайтесь в эти горы. Подымайтесь более решительно, настойчиво! Бейтесь с гяурами, пока они не перейдут в истинную веру.

Полководцы, стоящие перед ним, ответили на этот призыв возгласом:

– Аллах велик! Нет ничего кроме силы и могущества Аллаха!

Попытка оскорбить правителя взъярила армию. Все собрались для движения вперед в своих полках и сотнях.

Шейх Арслан с десятью тысячами Коппек хана стал подниматься с левого фланга. Потом глашатай Али Султан, атаковав с правого фланга, заставил чернохалатников забраться еще выше в горы. Одновременно с ними в атаку со своими воинами пошли Шах Мелик, Мюбашир Бахадур, Шейх Али Салбар и другие храбрецы.

Воины Шах Мелика, поднимаясь все выше, остерегаясь засады, тщательно проверяли каждую тропу, все кусты и большие дупла деревьев. Гяуры хорошо знали эти места, внезапно нападали и армия несла потери. Каждую минуту неизвестно откуда со свистом прилетала стрела, иногда ноги воинов попадали в волчьи капканы. Люди в черных халатах без боя не отступали. Каждый шаг Тамерланидов завершался смертью без боя. В горах довлели страх и смерть, нежели желание борьбы. Но для бывалых воинов это не имело значения. Хорошо знакомые с серым цветом смерти, четко ощущавшие ее запах, но умевшие загнать эти чувства вовнутрь, они желали или быть победителями, или же удостоиться звания шехида. Потому что этот бой был объявлен джихадом.

Шах Мелик даже представить не мог, что будет столько потерь. Он не мог примириться с тем, что враг, появлявшийся из-за каждого камня, дерева, наносил урон армии. Если так пойдет и дальше, они на многие дни останутся в этих горах. Надо было срочно найти пещеры, в которых прятались гяуры.

Люди Шах Мелика из леса и кустарников вышли на поляну. Полководец приказал охранять это место. Поляна в одно мгновение, словно драгоценный камень кольца, была окружена. Краина поляны упиралась в скалы, достигающие высоты до двухсот зира. Для того, чтобы оценить, ощутить такую красоту, двух глаз явно было недостаточно. Со скал низвергался такой же величественный водопад, вода из которого, пройдя рядом с поляной, вновь становилась вторым водопадом. Вода под лучами солнца напоминала расплавленное серебро. «Серебро», изливаясь в низину поляны, пенилось, распространяло прохладу, потом превращалось в следующий водопад.

Шах Мелик глубоко вздохнул, взглянул на воду, изливавшуюся на камни. В солнечных лучах играла разноцветная радуга. Он не мог оторвать взгляд от этого зрелища. Вдруг в центре скалы за водным потоком он увидел черную дыру и некое движение. Быстро отошел в сторону, чтобы не мешала радуга, и стал внимательно всматриваться сбоку...

...С верхней части скал полтора десятка воинов на веревках спустились к входу в пещеру. Для того, чтобы пройти к входу, там была узкая тропа и они, бесшумно пройдя ее, вошли в пещеру. Глаза еще не привыкли к темноте, как более сотни людей в черных халатах атаковали их. Несмотря на малочисленность, воины, тем не менее, чтобы защититься, бросились вперед, однако, потому как вход в пещеру для пятнадцати человек был слишком узок, оборона оказалась неудачной.

– Убивайте воинов Сатаны! – закричали гяуры и, потеснив нападавших вместе с пятнадцатью воинами Тамерлана, прыгнули вниз. В одно мгновение пятнадцать героев вместе с гяурами исчезли в бурном потоке. Спускавшиеся на веревках воины смогли оттеснить гяуров вглубь пещеры. Несмотря на большие потери, число спускавшихся на веревках было нескончаемым. Через некоторое время в пещере кроме прижавшихся по углам к стенам женщин и детей, никого не осталось. Тамерланиды без труда зарубили уставших, не способных сопротивляться мужчин.

Других чернохалатников воины Тамерлана преследовали в горах три дня и три ночи. Уставшие от безнадежности, голода и преследования, они прислали к Тамерлану парламентаря...

...Тамерлан как всегда сидел на воздвигнутом перед шатром троне и играл в шахматы. Он чувствовал, что чернохалатникам приходит конец. За шахматной доской он спокойно обдумывал свои будущие планы. От этих дум его отвлек командир караульного полка.

– Мой правитель, пришел парламентарий гяуров, принес вести от «гудашива».

Тамерлан поднял голову, посмотрел на командира.

– Пришел для того, чтобы сдаться или посредством переговоров потянуть время?

– Кажется, хотят сдаться, – нерешительно ответил командир.

– Тогда зови!

Командир отошел и почти тотчас вернулся. Державший в руках белый флаг и совсем не похожий на воина парламентарий подошел к правителю, упал на колени, склонив голову до земли. «Кажется, его хорошо научили, как себя вести у правителя», – подумал Эмир. Спросил по-тюркски причину прихода. Парламентарий не вставая, чуть приподнял голову и, на удивление Тамерлана, начал говорить чисто по-тюркски.

– О, правитель, наш начальник хочет знать, чего вы хотите. Наверняка есть какая-то цель вашего прихода сюда.

– Откуда ты хорошо знаешь язык джигатая? Насколько мне известно, вы не говорите ни на тюркском, ни на фарси, ни на индийском языках, – ответил Тамерлан вопросом на вопрос.

Вопрос хотя и немного озадачил парламентария, тем не менее он не ушел от ответа.

– Научился в плену, о правитель. В Балхе я попал в плен. Потом меня переправили в Самарканд. Потом сбежал и нашел прибежище здесь.

– Значит ты не гяур, а тюрк-мусульманин!

Парламентарий почувствовал изменение в голосе Тамерлана.

– Для парламентария не бывает бед, правитель. Знаю, что, по утвержденным тобою законам, сбежавшего из плена ждет суровое наказание. Поэтому я пришел сюда. Принял их веру, женился, стал одним из них. Но, клянусь Аллахом, в сердце у меня всегда был он. Просто я вынужден был жить так.

Парламентарий замолчал. Тамерлан, теребя бороду, раскосыми глазами посмотрел на парламентария. «Посмотрите на этого человека. Для того, чтобы избежать смерти, он отказался от веры, религии, национальности». Но ничего этого вслух не сказал. «Видно, Аллаху так угодно», еще раз подумал он.

Не глядя на командира полка охраны, приказал.

– Позови ко мне Аг Султана!

Через некоторое время полководец Аг Султан стоял перед ним.

Тамерлан знаком разрешил парламентария встать.

– Пойдешь с парламентарием к аксакалам гяуров. Скажешь им: «Если подчинитесь мне, примете Ислам, я отдаю эту область им и возвращаюсь к себе на родину. Но чтобы после моего ухода больше не нападали на тюркские племена. Если нет, из них никто не останется в живых». Ясно?

– Ясно, мой правитель, – склонил голову Аг Султан и вместе с парламентарием отправился к гяурам.

Его возвращение не заставило долго ждать. Пока его ждали, армия занималась бытовыми делами. Долгий путь в горах через глухие кустарники утомил воинов, одежда порядком поистрепалась. Аг Султан вместе с аксакалами гяуров предстал перед правителем. Тамерлан, поняв, что это означает, тепло принял их, каждому подарил халат и другие подарки. Если у них хватило смелости прийти к нему, значит, достойные люди. Начальника крепости назначил правителем области. Тот, в свою очередь, сообщил, что завтра в городе-крепости пройдет церемония принятия Ислама.

Однако, после возвращения, его убедили, что после того, как население вернется в крепость, Тамерлан всех уничтожит. Колеблясь, «гудашив» перешел к противникам Эмира. Той же ночью люди в черных халатах напали на группу Шах Мелика и перебили много людей.

Разъяренный этим Тамерлан на следующий день отправил армию в горы. До вечера в горах не осталось ни одного гяура. Из голов убитых гяуров в крепости соорудили минарет. Доблесть, которую не смог проявить Александр Македонский, проявил Тамерлан и после этого повернул обратно.

Возвращаясь к основному лагерю, он спросил о Рустаме Мирзе и Бурхане Оглан. Узнав, что никаких известий нет, отправил за ними Мухаммеда Азада с четырьмя всадниками...

Чернохалатники, узнав о том, что Бурхан оглан приближается к крепости, ушли в горы в пещеры. Принц, хотя и преследовал бежавших, но не смог никого найти.

Армия вошла в ущелье. Рустам Мирза понимал, что эти места опасны, поэтому часто поглядывал на высокие скалы. Безлюдность этих скал не давала ему спокойствия, внушала ему ужас. Если бы хотя бы один камень сбросили сверху в этом узком ущелье, от потока катящихся камней армия уже не спаслась бы.

Кони принцев шли рядом. Бурхан Оглан устал от этой погони. Даже сражаться не хотел. Если бы не страх перед дедом, он не пошел бы в поход в Индию.

Рустам Мирза натянул поводья. Остановил коня и Бухан Оглан.

– Что случилось?

Принц поднял голову, посмотрел наверх.

– Здесь очень опасно. Выйдем из ущелья и дадим лошадям отдохнуть. Да и воинам не мешает отдохнуть. День и ночь они в седле.

Бурхан Оглан поднял руку.

– Нет, отдыхать будем здесь!

Потому как дед поручил руководство армией в этом походе Бурхану Оглану, Рустам Мирза возражать не стал, хотя и высказал свои претензии.

– Здесь очень опасно. Если гяуры атакуют, наше положение будет незавидным.

– Ты что, не видишь, гяуры от страха перед дедом попрятались. Не бойся, ничего не будет, – хвастливо заметил он.

Тысячник Сарай Мелик Тавачы сошел с коня и подошел к принцу.

– Почему остановились, ваше высочество?

– Здесь сделаем привал, разнуздайте коней, пусть отдыхают, – чванливо сказал Бурхан.

– Ваше высочество, здесь очень опасно. Нужно соблюдать осторожность. Отдайте приказ сделать привал после того, как пройдем ущелье, – возразил глашатай.

На этот раз принц проявил упрямство, соскочил с лошади.

– Я принял решение: отдыхать будем здесь!

Слуги тотчас сняли седло с лошади, положили на землю. Никто уже не возражал. Развели костер. Повар начал готовить еду принцам.

Бурхан Оглан и армия настолько самоуспокоились, что даже не выставили часовых...

...Они не почувствовали как враг приблизился к ним. Неожиданно чернохалатники, словно муравьи, со всех сторон накинудись на них, взяв в окружение.

– Бейте воинов Сатаны, убивайте их!

Бурхан Оглан проворно вскочил. Со всех сторон наступало несметное число гяуров. Он взлетел на коня без седла, но это было сделано не для того, чтобы ринуться в бой, а побыстрее сбежать. С самого начала для принца, не желавшего воевать, это была прекрасная возможность. Воины же стали оказывать яростное сопротивление. Некоторые, увидев, что полководцы сбегают с поля боя, бросились за ними. Сражался и Сарай Мелик. Звон мечей, стук пик заглушал все вокруг. В один момент глашатай даже смог потеснить противника. Однако невесть откуда появившееся подкрепление гяуров изменило ситуацию в их пользу. В узком ущелье трудно было развернуться, не говоря о том, чтобы биться. Через некоторое время ущелье превратилось в кровавое месиво тел шехидов...

Мухаммед Азад, идя по следу Тамерланидов, дошел до ущелья. Гяуры, считавшие себя победителями, напали и на его отряд. Однако Мухаммед Азад, в отличие от Бурхана Оглана не намерен был бежать. Обнажив мечи, воины с таким рвением бросились на врага, будто их было не всего четыреста человек, а все четыре тысячи. За короткий срок две тысячи гяуров были уничтожены, остальные вынуждены были бежать. Собрав все, что гяуры забрали у убитых воинов, Тамерланиды вернули и всех коней. А Бурхан Оглан вместе с бежавшими воинами вернулся к Мухаммеду Азаду. Полководец, возвратившись назад, правдиво рассказал Тамер-

лану все, что смог узнать. Тамерлан наградил Мухаммеда Азада, а принца Бурхана Оглана отстранил от своего стола.

***

Когда караван купца Агбабы пришел в Шемаху, был уже вечер. Темнело, движение каравана замедлилось. Для того чтобы выполнить поручение Тамерлана, он не мог задержаться в столице Ширваншахов больше чем на три дня. Он должен был доставить предварительно заказанный шелк в Тебриз, оттуда по дороге на Хой отправиться в Арджиш, потом в центр Анатолии, далее в Бурсу. Затем он напрямую должен был возвращаться в Самарканд, чтобы доставить Тамерлану добытые сведения. Но прежде всего, во дворце Ширваншахов его ждал Шейх Ибрагим.

Вначале он доставил верблюдов в караван-сарай. Там, сняв поклажу, животных отпустили в поле. Вернувшись домой, увиделся с семьей, потом отправился в баню...

...Шах Ширвана Шейх Ибрагим стоял на восточной башне крепости Гюлистан, задумчиво глядя на караванный путь. Крепость была построена на высоком холме, поэтому караванный путь был ясно виден. Вечером он тоже видел караван, шедший со стороны села Гейляр. Этот путь из всех, что шли из Арана, был самым коротким и безопасным. Он отправил гонца и выяснил, что караван принадлежит купцу Агбабе.

Шах Ширвана пользовался большим авторитетом у Тамерлана. Иногда в вопросах, связанных с Азербайджаном, Ширваном и Грузией Тамерлан советовался не с Мираншахом, а с Шейхом Ибрагимом. Шех Ибрагим заслужил этот авторитет по капле и вовсе не намерен был его терять. Желание объединить весь Азербайджан еще теплилось в нем. Для этого оружие, которое было добыто в боях с Тохтамышем, он тайно спрятал в подземельях дворца – на всякий случай, на черный день. Он думал о времени, которое придет после Тамерлана. Никто не вечен на этом свете. А теперь ему не хотелось портить с Эмиром отношения.

Сейчас он был ответственен не только за себя и свой род, но и за весь большой народ. Несмотря на то, что быть шахом было самым тяжелым и трудным в мире делом, ему все завидовали. «Ах, если бы вновь стать простым пахарем! Но нет, этот груз кто-то должен нести на себе, и почему им не должен быть я?».

Его восход на шахский трон имел очень странную историю. Его отец Султан Мухаммед, сбежавший от ширваншаха Хушанга, на самом деле был родным дядей шаха. В 1382 году, когда скончался Хушанг, Шейх Ибрагим в далеком шекинском селе в бедности сводил концы с концами, был простым крестьянином. Так как у почившего шаха не было наследников, беки и полководцы приняли решение привести к власти человека из дербентской династии. Когда визири и послы, взяв необходимые шахские атрибуты, прибывали в шекинскую деревню, Шейх Ибрагим, уставший после работы, спал под деревом. Приближенные установили над ним нечто вроде зонта, потом, отойдя в сторону, ждали, пока он проснется... Шейх Ибрагим, заснувший пахарем, проснулся шахом. Присутствующие приветствовали его как шаха, одели в соответствующие одежды и привезли в Шемаху.

Справедливая и мудрая политика, проводимая им, за короткий срок подняла его авторитет и уважение. Шахство было у него в крови! Однако его правление пришлось на самый сложный период Ближнего Востока. Южным Азербайджаном, Багдадом и другими территориями управлял последний правитель из династии джаларидов Султан Ахмед. Возгордившийся после сожжения Москвы Тохтамыш держал под угрозой северные границы Ширвана. В этой сложной политической ситуации нужно было сделать верный выбор. У него была информация, что в возвращении Тохтамыша на престол была незаменимая заслуга Тамерлана, более того правитель называл его «сыном». Во время первого похода Тамерлана в Азербайджан Шейх Ибрагим понял, что устоять перед селевым потоком Тамерланидов будет сложно. Перед таким потоком армия просто погибнет, Ширван будет разграблен и уничтожен. Осознав это, принял решение пойти на поклон. Тем самым он спас Ширван и заработал уважение в глазах Эмира.

Тамерлан оставил его на должности правителя Ширвана. Даже назначая сына Мираншаха правителем Ширвана и всего Азербайджана, он не упразднил титул Ширваншаха.

В 1386 году, проходя через Ширван походом на Тохтамышша, Тамерлан заложил лагерь в Карабахе и вызвал к себе Шейха Ибрагима. Главный визирь тогда посоветовал ему спрятаться в горах, и после того, как Тамерлан пройдет Дербент, вновь вернуться в Шемаху. Но это было бы невыгодным и для шаха, и для Тамерлана. А то, что шах сбежит и спрячется от Тамерлана, означало бы неповиновение Эмиру. Эмир этого никогда не простил бы и, не дойдя до Дербента, разграбил бы весь народ. Такое положение не устраивало и Тамерлана. Когда он шел на Тохтамышша, он отнюдь не хотел, чтобы у него за спиной оставался непобежденный противник. Это означало бы войну на два фронта. Шейх Ибрагим принял решение пойти навстречу опасности. Сперва в честь Тамерлана заставил прочесть специальную пятничную проповедь «хутбе», затем отчеканил монеты. После этого с очень дорогими подарками отправился в Карабах, в лагерь Великого Эмира.

Согласно обычаям татарских ханов каждый из подарков должен был быть в девяти экземплярах. Подготовив по девять экземпляров от каждого подарка, Шейх Ибрагим взял с собой восемь рабов. Тамерлан, от внимания которого ничего не ускользало, осматривая подарки, обратил внимание на этот факт. «Почему рабов всего восемь?», – спросил он. Шейх Ибрагим ответил так, как задумал ранее: «Девятый раб я сам». Эта фраза так понравилась Тамерлану, что он назначил Шейха Ибрагима правителем Ширвана и Шемахи, одарил многочисленными подарками, позволил вернуться домой. Мудрая политика шаха позволила избежать разбоев и грабежей.

В 1386 году девяностотысячная армия Тохтамышша, пройдя Дербент, разгромила города Ширвана и пошла дальше на Тебриз. Разграбив и этот город, она тем же путем вернулась назад.

Атаки соперников или соседей на Ширван были небеспочвенны. В этой области, богатой природными ресурсами, только в день добывалось 3125 пудов нефти. О целительных качествах белой нефти молва ходила по всему свету. Караваны, которые перевозили нефть, состояли из ослов и мулов, поголовье которых в каждом караване составляло не менее четырехсот-пяти-сот голов. В Атешгяхе в Сураханах, где постоянно горел огонь, готовили негашеную известь. На одном из островов прибыльным делом стала охота на тюленей. Из их шкур изготавливались бурдюки для перевозки нефти. А тюлений жир использовался для освещения домов и улиц. Каспийская рыба была популярна во всех регионах. Только в Сальяне в результате лова рыбы в казну ежегодно поступало пять тысяч золотых курушей. На Апшероне держали большие стада джейранов. В Муганьской низменности, Аране было очень много пастбищ, поэтому число овец, крупного рогатого скота просто не поддавалось счету. За шелками, изготавливаемыми в Шемахе и Араше, приезжали купцы из Генуи и Венеции. Большим спросом пользовались ковры, сотканые в Шемахе, Губе и носившие единое название «ширванские». Одним словом, богатство этой земли, достаток людей привлекали сюда не только друзей, но и врагов.

В 1387 году, когда Тохтамыш вновь пошел на Ширван, Тамерлан дал в помощь Шейху Ибрагиму не только армию под командованием Мираншаха, но и еще несколько известных людей, подчиненных Эмиру. В сражениях на берегах Куры объединенная армия разгромила воинов Золотой Орды, остатки гнала до Дербента и далее.

В 1395 году Тамерлан, пройдя Дербент, решил нанести Тохтамышу последний удар; его сопровождали воины Ширвана во главе с Шейхом Ибрагимом. После того, как по Тохтамышу был нанесен решающий удар и вопрос с Золотой Ордой был решен окончательно, Шейх Ибрагим устроил Эмиру, возвращавшемуся через Дербент, пиршество на берегах Куры. Довольный услужением шаха, Тамерлан поручил ему зорко охранять северные границы Ширвана. Эта часть была основным направлением атак Золотой Орды. Однако Золотая Орда к тому времени так ослабла, что уже не могла контролировать и Москву...

Стоя на башне крепости Гюлистан, Шейх Ибрагим, вспомнив все это, глубоко вздохнул. Убийства многих известных людей, казнь Наими, сдирание кожи с Насими поубавило его авторитет в Ширване, но доверие народа к нему все же осталось, не было потеряно. В этой сложной ситуации он старался сохранить целостность страны. Во имя великой идеи можно было чем-то пожертвовать.

Население в Азербайджане дошло до отчаяния от необузданности Мираншаха. Из Тебриза часто приходили тревожные вести. Народ поднял восстание не против Тамерлана, а против его сына Мираншаха. Но оттого, что волнения были стихийными, Мираншах легко справлялся с ними...

Легкое покашливание начальника охраны отвлекло Шейха Ибрагима от дум.

– О мой правитель, пришел купец Агбаба.

Шейх повернулся, посмотрел на начальника охраны. Солнце склонялось к закату и поэтому было у того за спиной. В этом положении начальник охраны выглядел одновременно интересно и странно. Правда, он не обратил на это особого внимания.

Он спешил на разговор с купцом. Вначале Шейх Ибрагим хотел встретиться с ним в зале для приемов, потом передумал. Здесь каждый камень, каждая стена имели уши. Люди Мираншаха крутились повсюду, собирая против него сведения и передавая их Тамерлану. В вопросе с хуруфитами он чуть было не погорел. Мираншах пытался каждого настроить против него. Поэтому Шейх Ибрагим приказал начальнику охраны:

– Приведи его через некоторое время в потайную комнату. Я тоже скоро подойду.

Когда Агбаба вошел в потайную комнату, он почувствовал, будто снова находится в Самарканде. Однако оттого, что борода, усы и черты лица шаха сильно отличались от Тамерлана, эта мысль рассеялась. Увидев шаха, сидящего на ковре и освещенного свечами и лампами, подошел, поцеловал угол ковра у его ног, поклонился.

– Да продлятся дни нашего шаха! Я приветствую охранителя Ширвана!

Шейх изобразил на лице улыбку.

– Добро пожаловать, купец Агбаба. Проходи, садись. Ты тоже, оказывается, когда-нибудь появляешься на родине!

Купец присел на указанное место.

– Правду говорите, ваше величество! Дела занимают столько времени, что порой забываешь, как выглядят дети, не чувствуешь, как они вырастают.

Шах поддержал его.

– Государственные дела так увлекли нас, что семья отошла на задний план. И только от сна до сна вспоминаем, что у нас есть семья. Ладно, это тема другого разговора. Скажи, ты встретился с Эмиром?

Купец утвердительно кивнул.

– Встретился, ваше величество. Он спросил о вашем здоровье. Я сказал, что слава Аллаху, все хорошо.

Шах проявил нетерпение.

– Еще что спросил?

– Спросил о Насими, его семье. Я ответил, что никто не знает, где они сейчас. Ушли из Ширвана.

– Правильно ответил! – сказал шах, но в голове крутились другие мысли. «Полагаю, что я не ошибся. Мираншах, а также наш главный молла постоянно отправляют ему информацию. Хотят разрушить Ширван. Хорошо, я вовремя смог переселить семью Насими. Люди Мираншаха везде суют свой нос».

– Что было потом? Какие были поручения?

Купец понял, на что намекает шах. Собственно, ему нечего было скрывать. За Азербайджан, Ширван он отдал бы и голову.

– Великий Эмир поручил отправиться в Анатолию, в Бурсу.

Шах хлопнул ладонью по колену, глубоко вздохнул.

– Значит, в скором времени мы будем свидетелями его сражения с Беязидом.

– Я бы так не сказал, ваше величество, – возразил Агбаба.

– Почему?

– Великий Эмир теперь собирается в Индию. Как мне известно, 92-тысячная армия уже в пути.

Это известие еще более удивило шаха.

– Как это, идет в Индию? Информация точная?

– Конечно, точная. В Самарканде все об этом говорили. Кроме этого хорошо известный и мне и вам купец Афшар передо мной встретился с Эмиром, получил поручение, чтобы караваны и армия встретились в Мутлане.

Шейх Ибрагим задумался: «Значит, я был прав. Эмир, для того, чтобы воевать с Беязидом, собирает золото, серебро, оружие. А Дели для этого самое выгодное место. Беязид не Тохтамыш и не грузинский царь. Для того, чтобы воевать с ним, нужно как минимум двести тысяч воинов». Однако, не озвучивая эти мысли, задал совсем другой вопрос:

– Ты нашел Лятафет?

– Нашел, Ваше величество. Она живет во дворце Великого Эмира.

– Как? – недоуменно сдвинул брови шах. – Ты уверен в этом?

– Конечно, да будет здоров мой шах! Уверен так же, как в том, что вижу вас. Она была во дворце и ее называют Шады Мюльк. Я попросил Тамерлана вернуть ее нам. Сказал, что это дочь одного моего друга. Но Эмир отказался сделать это.

– Почему?

– Сказал, что Шады Мюльк любимая няня его внука Улугбека. Но это еще не все. Более того – другой внук Халил Султан влюблен в девушку и даже собирается на ней жениться. Однако дед, да и мачехи категорически против этого. Дед прознал про тайный брак, который они заключили. И очень рассердился. Удалил девушку из дворца, отправил жить в дом одного мастерового. Но юноша не отстает. Говорит, и в жизни, и в смерти ему нужна только она.

Шах нахмурил брови. Лятафет была его дочерью от рабыни. И хотя у шаха с этой женщиной не было брака, он в сердце хранил память о любимой. Потом, чтобы ее не прозвали незаконнорожденной, скрепил кебин с ее матерью у главного моллы. Хотя совершение временного брака благочестивым мусульманином, тем более носящим звание шейха было невероятным, он верил в то, что главный молла этот слух распустит. Во дворце об этом знали один-два человека, но никто официально не называл девушку принцессой. Лятафет правду не знала, а мать ее об этом даже не заикалась. Теперь эта любимая дочь была во дворце Тамерлана, который будучи врагом, считался другом, в то же время будучи другом, считался врагом. Этого он даже представить себе не мог.

Об этом, как и во дворце, в Шемахе никто не знал, кроме двух-трех человек. То, что у ширваншаха от неблагородной женщины есть ребенок, могло в будущем привести к трудностям в вопросе наследства и даже к убийствам. Поэтому он тогда срочно отправил их в Дербент. Однако и здесь жизнь отнюдь не улыбалась им, рабская жизнь теперь была уготована и дочери. Когда Тохтамыш проходил через Дербент и в качестве рабов забирал женщин и девушек, он отправил мать с дочерью в Астрахань. Когда Тамерлан напал на Астрахань, к тому времени мать девушки скончалась, девушку вновь взяли в плен и отправили в Самарканд. Когда Шейх Ибрагим узнал об этом, он тайно начал поиски. Уже будучи подданным Эмира, он не мог в открытую попросить вернуть ему дочь. Он не мог бы пробудить сочувствие у Эмира за брак с неблагородной рабыней, или же убедить его в том, что девушка родилась вне брака. Последнее известие пришло из Самарканда. Однако то, что известие о Лятафет придет из дворца Эмира, даже не мог себе представить. Это было и хорошо, и плохо.

– Когда будешь бывать в Самарканде, интересуйся девушкой, если сам не сможешь, через других сообщи ей, что здесь ее всегда помнят.

***

Караван-сарай Арджиша к ночи был освещен смоляными фонарями и факелами. В одном из внутренних помещений, освещенные лампой, сидели друг против друга погонщик верблюдов и его подручный. Погонщик верблюдов, мужчина лет сорока, сорока пяти, учил своего помощника премудростям профессии. Подручный был молоденьким юношей. Скрестив ноги, он сидел напротив учителя и глядел ему в рот, стараясь не упустить ни одного слова о верблюдах. Учитель же был горд от того, что ученик так внимательно слушает, и старался научить его еще большему. Тем более, что до ухода каравана было достаточно времени.

– Смотри, сынок, верблюды очень ласковы с людьми, сразу понимают хорошее и плохое к ним отношение. В то же время очень злобны, когда с ними обращаются грубо. Более того, они до конца жизни затаивают злобу, ища момент отомстить. Не забывай об этом! Они бывают еще более злобными, если бить по глазам. Мстя, могут и убить человека. Ты, наверное, слышал поговорку «Злобный как верблюд». Да, кстати, если самец в возбужденном состоянии случайно убьет человека, он потом долгое время раскаивается в совершенной ошибке. В этом случае верблюд от горя может и умереть.

Ученик не смог скрыть своего удивления.

– Боже мой, какая у них злоба и скорбь, какой ум? Если бы у человека были такие качества, он многого достиг бы.

– Сынок, у человека в первую очередь должны быть ум, знания, любовь к людям, к семье и счастье. Уже потом он должен любить выбранную профессию, – поправил ошибку ученика погонщик.

Ученик, поняв свою ошибку, решил переменить тему разговора.

– Господин, а как приручают верблюдов?

Погонщику верблюдов, весь день проводящему в седле, либо пешком отмеряющему фарсахи, с почерневшим от солнца лицом, этот простой вопрос так понравился, что он откинулся на подушки. В это время к двери комнаты в полной темноте шла пара ног. Владелец шагов, услышав голоса, придержал шаг возле двери.

– Уход за верблюдом требует особой сноровки, сынок. Слушай! Верблюдица наживает приплод в три-четыре года. Рожает на тринадцатый месяц. До одного года малыша называют «верблюжонок», до двух лет «жеребенок». В три года их уже называют как положено. Верблюда приручают с двух лет. Это очень тяжелый труд. Погонщик изучает нрав верблюда, гладит его, приучает к веревке. Если этого не делать, приручить будет сложно. Необъезженный верблюд человека близко не подпускает, проявляет упрямство, не позволяет накинуть веревки. В этом случае надо быть терпеливым. Обучаемого верблюда держат уже с прирученными животными, насыпают ему соли, вместе с ними кормят. Потом изготавливают шерстяной недоуздок в виде цыганской шапочки, надевают на голову. Необъезженный верблюд, с детства слышавший возглас «хых», при этой команде сразу садится на землю. Первый раз его прикрывают попоной. Потом его надо приучать к поводку. Если верблюд не проявляет покорность, правую переднюю ногу сгибают в колене, перевязывают и в таком положении долгое время заставляют ходить. Если даже он захочет сесть, из-за того, что не разгибается нога, это не получится. Гладишь по телу, даешь соль. Повторяя эту процедуру несколько раз, верблюд из-за принуждения, немного от необходимости, глядя на других верблюдов, смиряется...

Человек, который стоял за дверью и все это время слушал, погладил бороду, усмехнулся. Это был купец Агбаба. Он открыл дверь, вошел в комнату, громко поздоровался. Сидевшие, увидев вошедшего и проворно вскочив, поклонились и ответили на приветствие. Погонщик, увидев, что ученик так же как и он, учтиво поклонился, остался доволен.

– Учишь?

– Учу, да буду я вашей жертвой. Мир суетный, а смерть между глазом и бровью, время еще есть, подумал, пусть слушает и учится.

– Правильно поступаешь. Человек все свои знания должен передавать другому, чтобы это переходило из рода в род. Если у профессионала нет учеников, его дело не будет богоугодным и его не будут называть учителем. Короче... Пришел сказать, что после утреннего намаза отправляемся в путь. Сообщи всем, чтобы были готовы. Нам предстоит дальний путь.

Погонщик верблюдов сразу принял деловой вид.

– Нам не впервой, сейчас все сделаю. Ты, сынок, пойди подыши воздухом, – сказал он ученику. И спросил у Агбабы: – Что-то ты задумчив, родной, что-то случилось?

Агбаба опять погладил бороду.

– Пока ничего не случилось, хотя... Хотя после ухода из Тебриза у меня на душе неспокойно. Мне неспокойно, места себе найти не могу. Не знаю, то ли со мной что-то происходит, то ли где-то что-то произошло...

Погонщик верблюдов поспешил успокоить его:

– Ничего не случится, родной. Аллах всегда с нами, он нам поможет. Не первый раз идем! К тому же... ты человек очень хороший, успокой свое сердце. Успокой, чтобы все было хорошо. Иншалла, все будет хорошо!

Купец поднял руки и тоже произнес «Иншалла».

***

Верблюды, сидя перед хлевом, не спеша что-то жевали.

Человек в кожаном фартуке, разложив перед собой железные прутья с намотанной тканью на концах, поочередно опускал их в лохань с жидким маслом. Сзади одного из стоящих верблюдов стоял их хозяин. Он гладил верблюда, готовя его к тому, чтобы смазать маслом зад. Верблюды днями без воды в жару идут по пустыне и по этой причине у них в организме образуются жидкие и густые выделения, но из-за сухости в прямой кишке может образоваться рана. Из-за нее верблюд не может идти, а иногда и погибает. Опытный погонщик, перед выходом в путь при первой же возможности смазывает зад животным. Вследствие даже появилась такая специальность «смазыватель задов верблюдов», кстати, пользовавшаяся большой популярностью у караванщиков.

Верблюды могут в пустыне есть и колючки. Однако погонщик и его помощники должны серьезно подойти к вопросу обеспечения пищей и водой. На купцов надеяться нельзя было. Каким бы богатым и щедрым не был купец, запастись нужно было обязательно.

Еще не прозвучал утренний намаз, а обитатели караван-сарая были уже на ногах. Каждый занимался своим делом. Работам по снабжению дан был перерыв только во время намаза. После его совершения погонщик подошел к верблюдам и, чтобы взнудать ведомого верблюда, накинул на него попону, пропустив горб через порезь, закрепил поклажу. Потом накинул на голову уздечку.

Слуги и воины стали навьючивать на животных груз и закреплять его на их спинах. Погонщик оседлал коня. Когда со словами «О, Аллах!» караван тронулся в путь, сзади шли около ста вооруженных охранников. Они должны были сопровождать караван. Караван только вышел из Арджиша, как сидящий на одном из верблюдов Агбаба, обернувшись, посмотрел назад, внимательно вслушался. Как правило, звон колокольчика последнего верблюда отличался от остальных. Когда Агбаба слышал этот звон, он знал, что все хорошо и благодарил Аллаха.

Караван шел между холмами, поросшими полынью; кроме звона колокольчиков и мерных шагов ничего не было слышно. Запах полыни опьянял. Погонщик, как и все, иногда глубоко вдыхал, глотая запах полыни, тихо про себя произнося «ой, хорошо!». Он ехал, почти отпустив поводья лошади. Вдруг лошадь, будто что-то почувствовав, фыркнула. Погонщик натянул поводья, поднял руку, привлекая внимание всех, потом незаметным движением при-

казал каравану остановиться. Внимательно осмотрелся. На холмах все было спокойно. Наверное, за ними следила или стая волков, или это был тигр. Лошади это чувствуют сразу и становятся беспокойными. Но, нет! Через некоторое время на одном из холмов стали виднеться черные папахи. Около четырехсот всадников в черных папах окружили караван, лучники взяли его под прицел. Охранники каравана положили руки на рукоятки мечей. Погонщик, натянув левый повод, буквально сделал круг на месте. Потом успокоив себя и лошадь, крикнул в сторону холма:

– Кто вы такие и что вы хотите?

– Мы люди Черного Юсифа, будем грабить караван, – крикнул кто-то в ответ.

...Караван был в страхе, волнении и тревоге. Еще немного, и кто-то побежал бы, кто-то начал ругать грабителей, другие бросились бы в бой. Купец Агбаба вышел вперед.

– Может, договоримся? Мы заплатим земельный налог и пройдем, – крикнул он.

В ответ раздался голос:

– Мы не берем земельный налог, мы забираем все.

На этот раз заговорил погонщик верблюдов:

– У нас есть разрешение Великого Эмира, мы неприкосновенны, родной.

На той стороне захихикали. Тот, кто вел себя как главарь, крикнул:

– От кого, говорите, есть разрешение?

Погонщик растерялся.

– От Тамерлана.

– Законы Тамерлана здесь не работают. Если бы вы хотя бы сказали Мираншаха, тогда договорились бы.

На холме вновь засмеялись. Купец вновь внимательно посмотрел на людей, стоящих на холме. Они не были похожи на людей Черного Юсифа. В сущности, он и сам был рода гарайунлу ветви Бахарлы. «Нет, они не похожи на наш народ. И диалект другой. А может это люди Миран...» прикусил язык купец.

– Кто хозяин каравана?

Неожиданный вопрос отвлек купца от раздумий.

– Я глава каравана, а хозяином является Великий Эмир. Он вам этого не простит.

– Простит, не простит – это его дело. – Потом, показав своим людям на купца, сказал: – Этого оставить, остальных убить. А ты иди и скажи этому хромому, что твой караван разграбили люди Черного Юсифа. Если у него хватит смелости, пусть обо мне скажет что-нибудь плохое. Приду и разорву его.

Купец Агбаба не успел осознать, что хотел сказать главарь, как дождь из стрел посыпался на караван. Раздались крики. Охранники, обнажив мечи, бросились было в бой, но стрелы настигали их повсюду. Не прошло много времени, как все вокруг было усеяно трупами. Не пощадили никого.

Соскочивший с коня и спрятавшийся за одним из верблюдов погонщик взглядом искал своего помощника. Наконец высмотрел его. Когда хотел подскочить к нему и посоветовать убежать, одна из стрел пронзила ему горло. Мальчик с криком «учитель!» бросился к нему. Погонщик из последних сил произнес «прикинься убитым, пока не уйдут, не двигайся», попытался прочесть келмейи-шехатет.

Ученик вновь с криком «учитель!» упал в обморок.

...Больше некого было убивать. Только один Агбаба стоял как статуя. Стрелы, пролетающие слева и справа поражали всех, кроме него. Разбойники, обнажив мечи, с воем бросились в лошину. Здесь они добивали раненых. Через некоторое время все было кончено.

Главарь разбойников подъехал к Агбабе.

– Поезжай, скажи своему хозяину, что твой караван разграбили люди Черного Юсифа. Мы пощадили тебя, езжай.

Агбаба не ошибался, это не были люди Черного Юсифа. Теперь это страшное известие надо было срочно сообщить Тамерлану. Хлестнув коня плеткой, помчался обратно...

...Караван вновь продолжал свой путь. Но теперь он шел в другую сторону. Его новые хозяева, свернув налево, хотели с юга обойти озеро Урмия и на самом деле вернуться обратно. Главаря разбойников, без потерь заимевшего такие богатства, буквально распирало от радости. Он шутил, разговаривал с товарищами. За происшествием, случившимся ранее, следила и третья сторона. Разведка гарагойунлу видела, как грабился караван, как убивали невинных людей. Когда караван изменил направление следования, разведка тоже исчезла с глаз.

Была середина лета, темнело поздно. Ближе к вечернему намазу караван вновь был окружен. На этот раз около тысячи человек окружили самих разбойников.

Разбойники, поняв, что окружены на открытой местности, решили вести переговоры. Сперва отправили одного с белым флагом.

Главарь гарагойунлу, увидев на голове парламентария черную папаху, сказал:

– По папaxe вижу, что ты из наших. Кто такие, чем занимаетесь, откуда и куда идете?

Эти слова воодушевили парламентария. Кажется люди в черных папахax приняли их за своих. Но он ошибался.

– Мы люди Черного Юсифа. Ограбили караван, идем с ним.

Главарь сделал вид, что он в неведении.

– Это вам поручил Черный Юсиф?

– Да, он сам нам поручил, – как ни в чем ни бывало ответил парламентарий.

Главарь так расхохотался, что папахa чуть не слетела с головы. Парламентарий, растерявшись, ничего не понимая, стоял с опешившимся видом.

Сидевший на коне высокий, с закрученными усами величавый мужчина неожиданно посерьезнел.

– Что за ерунду ты городишь? Черный Юсиф – это я. А я такого поручения никому не давал! Кто бы вы ни были, за эти подлые действия должны быть наказаны. Свяжите этого, – приказал он своим людям. – Я с ним потом поговорю.

В одно мгновение парламентария связали по рукам и ногам и уложили на землю.

Разбойники ждали своего парламентария. Но вместо него их атаковали люди Черного Юсифа. Те, кто пытался сопротивляться, были убиты на месте, остальные, склонивши голову и поднявши руки, были пленены. В принципе, это невозможно было назвать сражением. Черный Юсиф вместе с караваном отправился в Диярбекир...

Глава 3

...Он стоял под большой скалой. Кажется, попал в окружение. На скале было много людей и они готовились сбросить на него камни. Он же, сжимая в руке меч, был готов к бою. Краем глаза смотрел по сторонам, но никого не видел. Кажется, все бросили его. «Нет, это невозможно. Даже в самые тяжелые минуты соратники не оставляли его. Что же случилось сейчас?».

В воздухе витал дух смерти. Значит, сегодня должен был пробить последний час, час смерти. Но он не мог уйти от этого жуткого воздуха и со скалы. Казалось, ноги его были прибиты к земле гвоздями. Рядом не было и любимого коня. Только глаза внимательно оглядывали все вокруг. Мозг же был затуманенным, многое просто не воспринималось. Вдруг захотелось крикнуть. Голоса не было. Душу продирали жуткий холод. Как будто холодный туман опустился. Даже рот не мог открыть. Все это он смог прояснить лишь в мыслях. «Где я попал в окружение? Кто те люди, что наверху? Что они хотят? Почему я здесь один?». Стоящие наверху будто слышали его мысли.

– Сдавайся, все равно не спасешься!

Эта мысль прозвучала как бы не вслух. Не открывая рта, он таким же образом ответил тем, кто был наверху.

– Кто вы?

Ответили не медля:

– Мы души тех людей, которых ты убил! Если присоединишься к нам, то не останешься под камнями, которые у нас в руках. – Волшебный голос вдруг позвал его: – И-д-и, пока не поздно, и-д-и-и.

Голос, удаляясь, будто превращался в эхо, ударялся о скалы, возвращался. – И-д-и-и-и! И-д-и-и-и!

Его внутренний голос ответил:

– Я не уповаю ни на кого, кроме Аллаха! У вас своя дорога, у меня своя.

Опять та волшебная мысль отозвалась в голове.

– Как зна-е-е-ш-ь, зна-е-е-ш-ь, зна-е-е-ш-ь!

С большой скалы камни скатились прямо на него.

У него уже не было чувства страха. Станным было то, что теперь у него работали правая нога и рука. Меч, который он всегда держал в левой руке, переложил в правую и нанес удар по первому камню, летевшему на него. Как только меч соприкоснулся с камнем, тот превратился в огромный шерстяной комок и упал рядом. Другие камни, не дойдя до него, превращались в шерстяные комки. Он воодушевился. Пока голова прояснялась, он летел вверх. Чем больше он поднимался вверх, тем меньше становилась та огромная скала, теперь напоминавшая горстку камней. Не видно было и душ людей. Будто ушли в небытие. Небо было абсолютно пустым. Издалека к нему приближались черные облака. Чем были эти облака, непонятно, но они, кажется, хотели его проглотить. Облака, приближаясь, увеличивались, пытались разорвать душу, вывернуть ее наизнанку. Но вдруг все изменилось. Откуда-то появились крупинки света, рассыпались по облакам. Все вокруг окуталось светом. Черные облака исчезли. Потом занавес света приподнялся над миром, смешался с небом. Неожиданно изнутри, прямо из макушки, вылетела крупинка света, начала расти в сторону светового селевого потока. Тело мгновенно успокоилось. Он никогда не чувствовал такой легкости и спокойствия. Казалось, вместе с этой гущей, с крупницей света он тоже поднимался вверх. В этот момент он услышал мягкие шорохи. Будто кто-то ступал по мягкому снегу. Откуда-то раздался крик «В-е-е-ернись на-зад! Ты е-ще не за-к-о-н-ч-и-л д-е-л-а! В-е-е-ернись!»...

От неожиданного крика он будто проснулся, резко выпрямился. Его мучила одышка, сердце билось так, будто хотело вырваться из груди. Он обвел глазами комнату. Он не пони-

мал, где находится. Одежда, постель была мокрой. Будто кто-то вылил пару ведер воды. Механически сунул руку под подушку, вытащил полотенце, вытер пот со лба. Внутри все горело от жажды. С левой стороны также невольно взял кувшин, оставленный еще с ночи, стал пить. Пил жадно, вода текла мимо губ, и чем больше пил, тем быстрее внутри угасал жар. Тыльной стороной ладони вытер губы, подбородок. В это время его взгляд остановился на красном в цветах ковре, развешанном в пятнадцати-двадцати шагах. Сразу узнал ковер и все понял. Это был его шатер. Механически протянул руку назад, достал палку для бубна, постучал. Бубен издал глухой, но достаточно сильный звук. Начальник охраны, будто специально стоявший у дверей шатра, вошел. Он посмотрел на него, в первый миг даже забыв, что хотел спросить. Начальник охраны хотел в этот момент войти к нему? Почему? Была какая-то новость?

Но ничего не спросил у него. Вспомнив, что хотел, приказал позвать к нему главного астролога, а потом, подумав, еще и сына Шахруха.

...Теперь Великий Эмир разбил лагерь на лугу под названием Лурин близ Кабула. После этого начнется крупномасштабное нападение. На дворе был жаркий август, поэтому верхняя часть шатра была покрыта легкой шелковой тканью, откинутой в нескольких местах для поступления свежего воздуха. Днем, в самую жару под ярким солнцем, над шатром растягивали темное покрывало. Неизменным оставался лишь дверной гянджинский ковер. Легкий утренний ветерок развеивал покрытие шатра, от этого свежий воздух, проникая в одно отверстие, выходил из другого. Уже рассвело, он убрал деревянные затворы, потушил смоляные светильники. Когда вошел главный астролог, еще не совсем проснувшийся Тамерлан рукой позволил ему сесть. Главный астролог, сев, положил рядом с собой хурджун и что-то, завернутое в плотную красную ткань.

Тамерлан, подробно рассказав ему свой сон, сказал:

– Теперь этот сон надо растолковать. А ну-ка, разберись, что нас ждет?

Астролог ничего не ответил, развернул красную ткань, вытащил один поднос, положил перед собой. На подносе были последовательно разложены небесные предметы – звезда, солнце, узорчатые планеты. Потом достал из хурджуна посуду с водой, пиалу и игральные кости. Посуда с водой и пиала были инкрустированы такими же небесными предметами. Из посуды в пиалу налил воду, поставил напротив подноса. Взял двумя пальцами игральные кости, что-то проговорил, подул на них, бросил в воду. Потом двумя пальцами вытащил их, вновь подул и бросил на поднос. Поднос был разделен на две части. Место, куда упали кости, закрутилось, остановилось в направлении солнца и звезд.

Наблюдавший за всеми действиями главного астролога Тамерлан молча, терпеливо ждал. Астролог же настолько был увлечен, что забыл, где он находится. Немного подумал, потом вытащил из хурджуна книгу, произнес «бисмиллах», стал перелистывать. В этот момент из передвижной мечети послышался азан. Эмир счел это хорошим знаком, и, не обращая внимания на астролога, пошел в угол шатра, где лежали кувшин и лохань для омовения перед намазом. Там, засучив рукава, совершил омовение рук и ног. Пока астролог шлифовал свои мысли, совершил утренний намаз. Когда закончил намаз, главный астролог закрыл книгу, произнес «Альхамду лиллях!».

– Мой правитель, ваш сон предвещает хорошие дела. Сегодня вы услышите хорошие вести, ваше сердце будет наполнено гордостью.

Тамерлан поерзал на месте.

– Говори немного точнее и яснее, астролог. Говори не о каких-то вестях, а о чем конкретно они будут. Растолкуй сон как следует.

Главный астролог, не растерявшийся от звонкого голоса правителя, еще более собрался. За толкование таких снов он мог бы извлечь выгоду. Увлеченно погладил длинную бороду, лицу придал мудрое выражение.

– Мой правитель, толкование этого сна заключается в том, что Аллах Великий не скупится в благоволении к вам и прислал знак правления половиной мира в виде сна. Очень скоро все черные силы склонят головы перед вами, чтобы просить вашего благоволения. Внимание Аллаха всегда над вами, правитель!

Такое толкование сна главным астрологом было по душе Тамерлану, настроение улучшилось, он окончательно проснулся. Погладив бороду, Эмир благодушно возрадовался. Расположение духа совсем улучшилось.

– То есть ты хочешь сказать, что во сне мне дано быть хаганом, халифом?

Астролог успокоился.

– Да, мой правитель!

– То есть как в небе один Аллах, на земле должен быть один хаган?

– Так оно и есть, о Великий правитель!

Великий эмир жестом приказал ему удалиться. Стоявшему в дверях начальник охраны поручил выдать астрологу из казны халат с золотым шитьем.

После того как астролог вышел из шатра, дверной ковер вновь прошелестел. Начальник охраны доложил, что пришел Шахрух. Тамерлан велел передать, чтобы тот обождал. После того, как слуги поменяли ему одежду, вышел, посмотрел на выстроившихся в ряд охранников. Охранники в черном хотя и не спали ночью, выглядели бодро. Это ему понравилось. Стоявшего в стороне и наблюдавшего за его действиями сына подозвал к себе. Сын подбежал, склонил голову и опустил на колени. На приказ «встань!» выпрямился, стал перед ним. Знаком приказал сыну следовать за ним. Охрана, сопровождая, шла позади, в десяти шагах.

Пройдя между шатрами, они вышли на луг с выпавшей росой. Тамерлан поручил постелить ковер и подать завтрак.

Очень скоро были расстелены две скатерти, на которых разложены мед, сливки, бурдючный сыр, отварное мясо ягненка, жареные перепела и другие яства.

На другую скатерть были принесены сухой хлеб, червивый бурдючный сыр и горячая вода. Шахрух душил интерес: почему две скатерти? Какую цель преследовал отец? И без того, когда начальник охраны его позвал, на сердце было беспокойно. Широко раскрытыми глазами он смотрел на ничего не выражающее лицо отца и на бегающих туда-сюда слуг.

По указанию отца они сперва сели за вторую скатерть. Эмир намочил сухой хлеб в горячей воде, окунул в червивый сыр, протянул сыну.

– Ешь, сынок.

Несмотря на то, что от вида еды на скатерти у него желудок подкатывался к горлу, пережить отцу Шахрух не посмел. Взял кусок, положил в рот. Сморщившись, с трудом стал жевать. Отец протянул ему пиалу с горячей водой. Шахрух выпил воды и его затошнило.

Великий Эмир, часто старавшийся мысли доносить без слов, встал, подошел к первой скатерти. Знаком приказал сыну сесть рядом. В горячий лаваш положил мед, сливки, свернул в трубочку, подал сыну. Отец так ловко и легко делал это левой рукой, что абсолютно не чувствовалось, что она не работает. Шахрух молча взял еду, откусил, стал с аппетитом есть, потом из пиалы, также поданной отцом, с удовольствием отпил зеленого чая. Если бы не стеснялся, с удовольствием съел бы еще один лаваш, попил чаю. Он хотел совсем избавиться от отвратительного вкуса червивого пахтанья и теплой воды. Отец будто читал его мысли. Протянул ему поджаренного в топленом масле перепела. Откусив от грудинки кусок, он не смог сдержать себя от наслаждения, произнес «вкусно!».

Все это время мысли Великого Эмира, не произнесшего ни слова, не попробовавшего из яств на скатерти, были где-то в другом месте. После того, как его двадцатидвухлетний, высокий, красивый сын проглотил последний кусок, сказал:

– Какая скатерть тебе больше понравилась, сынок?

Сын показал на ту, за которой сидел.

– Конечно, эта!

– Ты бы хотел, чтобы у тебя на скатерти всегда были дары Аллаха, вроде этих?

Сын так и не понял, что имел в виду отец.

– Кто бы не хотел этого, благодаря вам?

Тамерлан слегка качнул головой.

– Нет, это не только благодаря мне, но и должно быть благодаря тебе. Никто не останется вечным на этой земле, уйдет в иной мир... И я когда-нибудь уйду. Мир, который не остался Сулейману, мне ли достанется?

– Пусть Всемогущий сделает так, чтобы вы всегда были над нами!

Эти слова были почтением перед отцом. Шахрух прекрасно понимал, что отец прав. Этот мир никому не останется... Однако он, как и все верные и надежные сыновья, не хотел мириться с этой неизбежностью.

Великий Эмир, будто вновь прочитав мысли сына, улыбнулся:

– Слушай, сынок! Для того, чтобы скатерть правителя была такой богатой, и чтобы оставить ее наследникам, надо быть сильным. Речь не идет о физической силе. Физическая сила не закон, законом должна быть истинная сила. Для этого у правителя должно быть несколько важных достоинств...

Принц проявил нетерпение.

– Какие, мой Эмир?

В другое время никто не посмел бы прервать Эмира. Сильно привязанный к семье и внукам Эмир не придавал этому значения. Теперь он был учителем. Устад Сейид Берке никогда на него не сердился, не ругал его, не раздувал ошибки.

– Первое достоинство – это мудрость правителя. Правитель должен принимать мудрые решения, должен уважать науку, религию, свой язык. Должен собирать вокруг себя сейидов, людей, сведущих в религии, уважаемых в обществе поэтов, приближать их к своему столу, советоваться с ними. Мудрый правитель должен переводить на свой язык все хорошие книги, издаваемые в мире, передавать их для изучения в медресе. Ты... Ты хотя бы знаешь отличие мудрого человека от дурака или умного?

Шахрух округленными глазами смотрел на отца, не зная, что ответить.

– Нет, не знаю!

Тамерлан улыбнулся, покачал головой.

– Дурной человек делает ошибки и не пытается их исправить. До самой смерти совершает ошибки, так и идет, все время падая. Умный делает ошибку, и когда понимает это, старается исправить ее и больше не допускать этого. Мудрый же человек никогда ошибок не допускает... Что, теперь понял, почему первым достоинством правителя должна быть мудрость? Когда правитель делает ошибку, от этого страдает он сам, его подданные и та земля, по которой ты ходишь, на которой ты вырос.

Принц был восхищен словами отца.

– Понял, о всемогущий!

Эмир тоже остался доволен. Чувствовал, что его слова проникают в душу сына, правят его мыслями.

– Вторым достоинством правителя должна быть справедливость, – сказал Тамерлан, отпив зеленого чая. – Быть справедливым означает умение отличать правое от неправого. Твои рычажные весы должны быть точными. Нельзя правду отдавать в жертву неправде. Нужно быть справедливым правителем. Нельзя мучить народ. То есть не нагружать его дополнительными налогами, преднамеренно повышать цены на базарах. К тому же правитель должен любить ближних, но избавлять их от несправедливых дел, в то же время, если нужно, уметь наказывать в укор другим. Да, нельзя сильно мучить воинов, с которыми ты идешь на сражение, нужно

вовремя им платить. Отличившихся в армии нужно продвигать вперед. Армия – это твоя бьющая длань. Запоминаешь все, что говорю?

Принц забыл все: червивый сыр, теплую воду, трубочку из лаваша с медом и сливками, жареного перепела и другие яства, которые ждали его на скатерти. Ему казалось, что он сидит не за скатертью, а в медресе. Все, что говорил отец, он записывал в памяти.

– Конечно, я все запомню на всю жизнь, мой правитель!

Тамерлан тяжело вздохнул и с гордостью посмотрел на сына.

«Хоть бы и Мираншах был таким умным, как этот! Если бы у него хватило ума, он сам владел бы сейчас половиной мира». Но Эмир решил сейчас об этом не думать.

– Третье достоинство правителя заключается в том, что он должен знать все, что делается внутри страны и за ее пределами. Для этого не надо жалеть денег, золота, серебра. Его шпионы должны быть повсюду. У тебя должна быть информация от дворца до последней деревни. Армия – это как зеркало в ладони. Не оценив правильно ситуацию в стране, не сможешь принять правильное решение. – Тамерлан остановился, знаком подозвал слугу, приказал обновить чай и еду на скатерти. – Да-а, четвертое достоинство правителя – быть терпеливым. Твое терпение должно дырявить камни. Услышав что-то, не торопись тотчас принимать решение. Будь терпеливым, все дела расследуй тщательно, затем принимай решение. Помнишь пословицы «Терпи и халва поспеет к сроку. И тутовый лист станет атласом, если растить и ухаживать». Никогда не переполняй чашу терпения.

Правитель замолк. Кажется, на сегодня наставления были завершены. Взглянул на сына, протянул руку к вновь принесенному слугой горячему лавашу.

– Теперь спокойно можешь завтракать, – разрешил Тамерлан, но тут его взор заметил стоящего неподалеку начальника охраны и явно что-то желающего сказать. Эмир подозвал его. Начальник охраны подбежал и с почтением лег на землю перед ковром, на котором сидел Эмир.

– Кажется, есть срочные известия.

Начальник охраны, лежа и не поднимая головы, ответил:

– Да, мой правитель!

– Встань и доложи!

Начальник охраны встал и преклонил колени.

– От Дашти Кыпчака пришли люди Тамерлана Гутлуга Оглана и Идикина, парламентарий Хызыра Ходжи Оглана из Джете.

Эмир мгновенно вспомнил свой сон и его толкование астрологом, улыбнулся.

– Дальше...

– Мой правитель, далее сын Сары Буга Шейх Нуреддин из Ширази вернулся к вам на службу. С собой привез налоги и прочее, собранное в фарсской области.

Великий Эмир встал. От радости он забыл о голоде. Как только он встал, вскочил на ноги и стал перед ним сын Шахрух.

– Подготовьте переносной трон, через некоторое время приму парламентариев. Первыми пусть будут люди Дашти Кыпчака!

А Шахруху дал последнее задание.

– А тебя я назначаю правителем в Хорасан. Будешь жить и править в Герате. Свою любимую и красивую жену Гевхар Шады возьмешь с собой, но сына Улугбека, моего любимого внука, оставь здесь. Без него я сильно скучаю... Запомни: все, что я создал, ты должен беречь как зеницу ока!

Шахрух, слушая приказ, опустился на колени перед отцом и поцеловал его руку.

– Будет сделано, мой повелитель!

Шахрух только сейчас понял, что вся надежда отца только на него. Душу обуревали чувства ответственности и гордости...

Разговор был окончен, то, что Тамерлан годами хранил в душе, он сегодня сказал сыну. Он не ошибся в выборе: сын был понятливым. В ходе разговора, наблюдая за выражением лица Шахруха, Эмир чувствовал, что все сказанное впечатывается в память сына.

Утренний свежий ветерок касался полотняных «берегов» лагеря, напоминавшего море с лазурными волнами, раскачивал их как волны. Эмир взирал на пейзаж с улыбкой. Кажется, на него нашло поэтическое настроение. Но нет, поэзия ему не была нужна. Поэты бывают мечтателями, фантазерами, много думают, но мало делают. Даже были заблуждавшиеся. Как, например, Имадеддин Насими. Хотя... Нет, Насими не был похож на заблуждавшегося. Разве на самом деле он не был самым великим благочестивым? Эти безграмотные религиозные деятели не могут понять его, а, не понимая, считают его стихи богохульством. Как говорил почтеннейший пророк? «Не покидайте то, что понять не можете!». Сейид и грамотный, конечно же, будет с рождения хорошо знать Ислам. Насими надо было изучать. Но кто будет его изучать? Те, кто будет изучать, ограничатся клеймом «гяур». Гяур он и все! Но он никак не мог принять то, что Насими гяур.

Хотя эти мысли немного разбередили его душу, портить настроение Эмир не захотел и, волоча ногу, пошел между шатрами в сторону главного шатра. Шел, не поднимая головы. Если бы смотрел, то в это время дня увидел бы много недостатков. Но в любом случае недостатки от него скрыть было невозможно. Даже в самом доверенном полку он находил десятки недостатков. В обычное время он хвалил воинов, и это его успокаивало. Но теперь лучше было сделать вид, что не заметил, чем увидев, промолчать. Но, охранники, увидев его, кричали «правитель идет!» и в соответствии с этим отвешивали поклоны.

Наконец он дошел до главного Красного шатра. Осторожно отодвинул ковер, вошел и сел на трон. Разложенные справа и слева от трона ярко-красные подушки навевали хорошее настроение. Постучал палками по бубну. Вошедшему начальнику охраны приказал пригласить парламентариев от Дашти Кыпчака.

Гутлуг Оглан и несколько других вошли, поцеловали край ковра у трона и в знак почтения остались недвижимыми до приглашения Эмира. Правитель указал им места справа от себя.

– У Дашти Кыпчака опять дуют ветра?

Гутлуг Оглан понял, куда клонит правитель.

– Да продлятся годы правителя. В Большой Родине действительно дуют холодные ветра. Золотой Орды теперь нет. Она развалилась на несколько частей. Несколько человек из рода Батыя объявили себя ханами, друг друга не признают. Кое-кто даже пошел на поклон к русскому хану, хочет остаться под его крылом. Потом, получив от него поддержку, идет войной на другого. Народ устал от этих беспорядков. Мы слышали, что скоро готовится восстание против Тейзи Оглан хана, который, сбжав от калмыков, пришел к вам. Вы же, наградив его подарками, взяли на службу...

Слушая его, Эмир ощущал чувство сожаления. «Напрасно я тогда не пошел на Москву, не сломал хребет русским. Смотри, как переменился мир. Тюрки подлаживаются под русского царя. Как только будет возможность, надо совершить туда поход». Хотя и думал об этом, но постарался поддержать пришедших.

– Очень плохо, что разделили народ на несколько частей. А произошло это потому, что вы забыли свод законов, которые вам оставил Великий Чингисхан, не следовали ему. Вы запутались с этой борьбой за трон. Забыли и Ислам, и заветы дедов и отцов. Может, и намаз не совершаете? Что вы теперь хотите от меня?

Тамерлан Гутлуг и другие опустили головы. После слов Тамерлана «вы прощены» Гутлуг Оглан поднял голову.

– О, Великий правитель, мы твои рабы и слуги. Если раньше у нас перед правителем были ошибки, мы сожалеем об этом и просим не лишать нас вашего благоволения. Мы лишь

просим об одном: служить нашему правителю. Просьба наша в том, чтобы вы проявили к нам милосердие.

Великий Эмир добился того, чего хотел. «Вот так! Те, кто когда-то выступал против меня, теперь считают себя моими рабами и слугами. Их можно взять только силой и испугом. Значит, их надо постоянно держать в страхе. А для этого можно закрывать глаза на некоторые мелкие ошибки. Мерзость, ошибки и проступки делают язык коротким, глаза закрытыми у любого упрямого человека».

После нескольких вопросов и ответов Тамерлан простил всех. Все, что нужно было принцам для жилья, дал. Затем принял парламентария, прибывшего из Джете. Хызыр Ходжа писал, что моголы готовы принять его правление и стать его вассалами. Все это удовлетворило Великого Эмира. Угроза территориям Междуречья, Самарканда и Бухары с севера и востока миновала. Но про поход на Индию он не забывал ни на минуту... Вызвал к себе полководцев левого фланга, в том числе Султан Махмуд хана, принцев Султан Гусейна и Рустама, Джаханшах бека, Гияседдина Тархани, Хамзу Тагай Буга Барласа, Эмир Шейх Аслана, Севинджек Бахадура и приказал немедленно продолжить путь на Индию. И левый фланг начал поход на Индию.

После этого Тамерлан принял Шейха Нуреддина. Выслушав его отчет, захотел осмотреть то, что привез Шейх...

В конце военного лагеря располагался трофейный склад Тамерлана. Привезенное Шейхом было разложено за шатрами длиной в двести зира и шириной в десять зира. Разноцветные летние и зимние шатры, посуда из золота, серебра, бронзы, жбаны, кувшины, золотые пояса, мечи и сабли, атлас, плотные ткани разных цветов. От всего этого великолепия рябило в глазах. Чего здесь только не было! Канцелярии Совета для подсчета всех трофеев понадобилось два дня. Неподалеку находились привязанные дикие животные и породистые кони. Эмир вместе с подданными, посланником из Джете и Тамерланом Гутлугом осматривал привезенные Шейхом Нуредином трофеи, в знак удовлетворения покачивал головой. Для полководцев перед боем увидеть все это было хорошим знаком. Глядя на это, они должны были думать, что смогут занять еще больше с непобедимым Тамерланом.

Парламентарии Дашти Кыпчака из Джете, никогда не видевшие столько богатства, не могли скрыть своего удивления.

Проходя мимо золотых изделий, Тамерлан вдруг увидел изготовленный из золота поясной ремень. Он отличался своей необычностью. Такие работы присущи азербайджанским ювелирам. Взял в руки, внимательно осмотрел, потом повернулся к Шейху Нуреддину.

– Если все это собрано на фарсидских территориях, как сюда попали изделия, изготовленные в Тебризе, Нахичеване, Шеки?

Шейх Нуреддин не смог скрыть своего удивления. Ответил вопросом на вопрос.

– Прошу прощения за мою смелость, мой правитель. Но откуда вы узнали, что эти вещи именно из Азербайджана?

Тамерлан поднял поясной ремень на уровень его лица.

– Смотри внимательно, Нуреддин бек. Этот ремень изготовлен по принципу шебеке. Такие изделия делают только в Азербайджане. Это очень тонкая работа! Видимо, и туда их забрали из Азербайджана.

Эмир под удивленные и восхищенные взгляды подданных, положил ремень на место, завершил осмотр. В стороне стояло около ста человек.

– Кто они?

– Мастеровые, мой правитель! – сразу ответил Шейх Нуреддин. – Мы их собрали на фарсидских территориях и привезли. В Самарканде много строительства, там не хватает мастеровых. Поэтому и привезли.

Эмир, произнеся «правильно поступили», приблизился к ним. Мастерские, увидев приближающегося правителя, склонили головы и опустились на колени. Тамерлан подошел к самому ближайшему, протянул руку.

– Ты встань.

Мастерской встал, но голову не поднял.

– Откуда ты?

– Из Туса, – тихим голосом ответил тот.

Услышав слово «Тус», непроизвольно улынулся. Ему вспомнилась могила Фирдуоси. Несколько лет назад, проходя через Тус, он спросил, где могила поэта, потом посетил ее. Поставив левую ногу на его могилу, он тогда произнес: «Это ты в своей книге унижил тюрок, оскорбил их, назвав дивами? Теперь встань! Взгляни, как тюрки, которых ты не любишь, завоевали полмира. Султан Санджар столько сделал для тебя, а ты в своих писаниях унижил тюрок. Теперь встань и посмотри, какую культуру создали тюрки!». Тамерлан очнулся от этих мгновенных мыслей. Косо посмотрел на мастерского.

– Наверняка тебя зовут Абдулгасым? Потому что каждого пятого, родившегося там, называют или Абдулгасым, или Фирдуоси.

Мастерской в знак согласия кивнул головой и тихим голосом сказал «да, господин». Эмир посмотрел на вздувшиеся вены на его грязной шее.

– Абдулгасым, ты хочешь вернуться домой или тебя отправить в Самарканд?

Абдулгасым промолчал. Конечно, он очень хотел вернуться домой. Но боялся своим ответом вызвать гнев правителя.

Тамерлан, поняв, что тот думает, не стал переспрашивать.

– Каких дел ты мастер?

– На камне вырезаю орнаменты, – опять тихим голосом ответил мастерской.

Все, затаив дыхание, внимательно слушали этот диалог. Сегодня, будучи в хорошем настроении, Тамерлан сначала хотел отпустить этого мастерского домой. Но, переменял свое решение.

– Я задам тебе один вопрос. Если правильно ответишь, освобожу тебя. Кто настоящий мастерской, или какие у него достоинства?

Абдулгасым поднял голову, посмотрел, и тут желание вернуться домой пересилило.

– Если работа нравится заказчику, потом всем остальным, значит он мастерской.

– Нет, я не имею в виду достоинство зрительное, меня интересует философское достоинство, – возразил Эмир.

Мастерской задумался, но так и не смог ничего придумать. Тамерлан отвернулся. Было ясно, что ответа не будет.

– Запомни, если человек работает только руками, значит он простой рабочий. Но если он работает руками и головой, это уже мастер. А если он работает руками, головой да еще с душой, значит он профессионал! Понял?

– Понял, Великий правитель.

Эмир повернулся к Шейху Нуреддину.

– Всех отправить в Самарканд!

Потом Эмир вышел из шатра, волоча ногу, пошел к коню. В этот момент к нему подошел начальник охраны.

– Мой правитель, из Газни прибыл Малик Мухаммед Афгани со своим людьми, хочет попасть на прием справедливого правителя.

Эмир качнул головой в знак согласия и передумал садиться на коня. Он принял решение принять Малика Мухаммеда Афгани прямо здесь, под солнцем. Его решение было понято мгновенно. Тотчас были постелены ковры. Был установлен переносной трон, над которым растянули полог от солнца. Потом Тамерлан сел на трон и знаком приказал «пусть идут!». Группа

людей во главе с Маликом Мухаммедом Афгани, пройдя сквозь строй воинов, подошли к нему, преклонили колена, опустили головы на землю. Соблюдение знаков почтения было хорошим знаком.

– Что за проблемы у вас?

За всех, подняв голову, ответил Мухаммед Афгани.

– Мы в поиске справедливости, Великий правитель! Мы вас знаем как справедливого, не ставящего различий на рычажных весах ни для кого, Великого правителя. Поэтому уповаем на вас. Мы верные рабы правителя.

– Кто вас обидел?

Малик Мухаммед начал как попугай повторять слова, которые он учил несколько дней.

– О, Великий правитель! Глава племени каркан Малик Муса Афгани убил моего брата, раба и слугу Великого Эмира. Разрушил крепость Эрьяб. Забрал наше имущество и богатства. Теперь занимается разбоем на дорогах. По ним никто не может пройти, не пострадав. А я, испугавшись его, сбежал в Газни. А теперь услышал, что Великий правитель пришел в эти места. Пришел от всей души исполнить любой ваш приказ.

Это известие рассердило Тамерлана. Сперва он решил отправить отряд и наказать Малика Мусу. Потом изменил свое решение. Движением руки позволил людям Малика Мухаммеда удалиться. А ему приказал встать.

– Ты не маячь здесь. Я напишу ему письмо, приглашу сюда. Если придет, вместо тебя сам его накажу. В случае, если не придет, дам армию, отомстишь за брата.

Афгани поклонился, поцеловал край его халата, вознес молитвы в его честь.

– Я знал, что справедливость можно было найти лишь у правителя. Пусть Аллах заберет часть нашей жизни и отдаст ее Великому Эмиру!

Как только Малик Мухаммед ушел, Тамерлан вызвал секретаря, который, выйдя из рядов приближенных, подошел с поклоном и сел у ног правителя, скрестив ноги. Вытащил из маленького сундучка, с которым не расставался никогда, перо, чернила и бумагу, разложил ее на крышке сундучка.

– Пиши! – приказал Тамерлан после некоторых раздумий.

Секретарь, макнув перо в чернила, обратил взор на правителя.

– «Малик Муса, я слышал, что ты разрушил крепость Эрьяб. Эта крепость стоит на начале пути в Индию. Не надо было ее разрушать. Как только получишь это письмо, сразу приходи на встречу со мной. Я отдам тебе эту область, чтобы ты восстановил крепость».

Секретарь написал все, что сказал правитель, поднес бумагу, чтобы поставить печать. Тамерлан под письмом поставил оттиск своим кольцом с печатью.

Покрытие шатров колыхалось от свежего ветерка. Как бы просто это ни выглядело, но этот лагерь писал очередную страницу истории. Но писалась эта история не пером и чернилами секретаря, а мечом.

Малик Муса, сразу после получения письма, незамедлительно, собрал дорогие подарки и отправился к правителю. Тамерлан проявил к нему расположение, одарил его дорогими подарками. Но глаза Мусы говорили о его двуличии. После ухода он вновь начал бы грабить в приграничных районах. Это могло ударить по авторитету Тамерлана. Но пока пусть восстанавливает крепость. Одному из тысячников по имени Муса Камал он дал три тысячи воинов, которых вместе с Мусой Афгани отправил на восстановление крепости.

***

Человека изнутри поедает злоба и зависть. А от злобы и зависти возникает хищничество. У человека, который завидует жизни и быту другого, растет чувство злобы, он любыми путями старается сделать так, чтобы жить лучше. Разбой и грабеж – это показатели хищничества. Человек с такими качествами вокруг себя собирает обычно себе подобных, превращает грабеж в образ жизни.

Злоба и зависть, хищничество закрывают человеку глаза, его прозорливость, этот человек больше ни о чем думать не может. На все, что происходит вокруг, он смотрит с точки зрения разбоя, грабежа.

Разрушая крепость Эрьяб, потом давая согласие на ее восстановление, Малик Муса все равно преследовал цели разбоя и грабежа. Возвращаясь от Тамерлана, он по пути разграбил одно село. Муса Камал срочно отправил по этому поводу сообщение Тамерлану.

Восстановление крепости Эрьяб началось без промедления. Каждый день двести-триста человек, днем и ночью безостановочно работали...

А чуть ранее этих событий в одном полуразрушенном доме Малик Муса Афгани, собрав вокруг себя десятников, делил награбленное в том самом селе добро. После дележа каждый удалился в свой угол. Вытащив из хурджунов съестные припасы, они уселись возле костра.

Только Малику Мусе на серебряной посуде принесли жареное мясо. Главарь стал брать грубыми и грязными пальцами жирные куски мяса и запихивать в рот. Толком не прожевав и еще не проглотив кусок, он тянулся за другим куском, потом брал кувшин и запивал это вином. Ел-пил, пока дыхание не стало тяжелым. После того, как глаза и мясистые щеки покраснели, отодвинул от себя блюдо с едой. Вытер жирные руки о край халата. Приказал слуге принести халат с золотой вышивкой, который ему подарил Тамерлан. Надев халат, стал куражиться.

– Видите, Великий Эмир лично подарил. Да еще и крепость Эрьяб нам подарил! Кажется, он нас остерегается. Когда его не будет, наши руки будут развязаны. И с легкостью сможем грабить и более дальние места.

– Ага, на самом деле этот хромой отдаст нам крепость? Я что-то не верю в это, – спросил один из сидящих.

– Хромой нас обманывает, – заговорил другой. – Когда мы грабили село, я сам видел, как Муса Камал отправил к нему гонца. Я слышал, что Малик Мухаммед пожаловался ему на тебя. Попросил помощи отомстить за брата.

Малик Муса задумался. «Неужели это правда, что Тамерлан собирается меня убить? Если это так, то он сделал бы это прямо в лагере. Значит, жалоба была после нашей встречи». Задумавшись об этом, главарь, не зная какое принять решение, вдруг сказал:

– Значит, делаем так...

Прошло некоторое время, крепость Эрьяб была почти восстановлена, остались мелкие недоделки. Когда Тамерлан получил известие об окончании работ, он решил лично осмотреть крепость. Когда он, сидя верхом с пешими приближенными был уже в двухстах зира от крепости, выпущенная откуда-то стрела со свистом полетела в него. Обученный в боях конь от свиста стрелы бросился в сторону, смог удержаться на ногах. Стрела легко ранила в плечо идущего следом воина. Охранники мгновенно ссадили Тамерлана с коня, окружили его щитами, обнажили мечи. Правитель поднял левую руку, потребовал от всех спокойствия. Потом, как будто ничего не случилось, спокойно спросил:

– Откуда стреляли?

– Кажется, с того балкона, правитель! В доме семь-восемь вооруженных людей, – сказал начальник охраны, показывая рукой на строение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.